

ПРОБЛЕМА ДНЯ

...ДЛЯ ЖЕНЩИН, ЗАТЫКАЮЩИХ
МУЖЧИН ЗА ПОЯС

ПРОДАНО БОЛЕЕ
1 000 000
книг о леди
ХАРДКАСЛ и ФЛОРЕНС
АРМСТРОНГ

VOTES
FOR
WOMEN

ТИ КИНСИ

Ти Кинси
Проблема дня
Серия «Вишенка
британского детектива»
Серия «Леди Эмили Хардкасл», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63439563
Кинси, Ти. Проблема дня: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-115539-1

Аннотация

Англия, 1910 год. Леди Хардкасл и ее горничная Фло не только нарываються на преступления и потом щелкают их как орехи. Парочка затмевает мужчин во всем. Они просто должны были столкнуться с острейшим вопросом времени – эмансипацией. И вот пожалуйста. Судьба свела их сразу с боевым крылом эмансипе – суфражетками, прославившимися агрессивными акциями. Лиззи Уоррел обвиняют в поджоге и убийстве: в огне погиб известный журналист. Соратницы уверены в ее невиновности – даже оголтелая суфражистка ни за что не пойдет на убийство. Но власти считают иначе, да и улики указывают на несчастную; ей грозит виселица. Леди и Фло

берутся за дело, не подозревая, что оно – лишь часть грандиозного заговора...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	30
Глава 3	56
Глава 4	81
Глава 5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ти Кинси

Проблема дня

T. E. Kinsey

The Burning Issue of the Day

© Титищев Е.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «ЭКСМО», 2021

* * *

«Бристольские известия»

Пятница, 28 января 1910 года

Суфражетки¹ совершили поджог один погибший

В минувший вторник незадолго до полуночи в Бристоле, на Томас-стрит, был подожжен магазин, принадлежащий Х.Э. Гринэму. Мистер Гринэм и его жена живут над магазином, но, к счастью, в тот вечер их не было дома. Однако, как это ни трагично, их жилец, мистер Кристиан Брукфилд, уважаемый журналист, работавший в нашей газете, по-видимому, спал в своей спальне на верхнем этаже, где дым и пламя

¹ От «suffrage» (*фр.*) – избирательное право; далее об этом термине см. раздел «От автора» и дальнейший текст.

и убили его.

При этом на улице были обнаружены разбросанные листовки суфражеток, а также подписанная записка, приколотая к одному из ближайших телефонных столбов. Именно таким образом суфражетки и берут на себя ответственность за причиненный ими преступный ущерб. В среду утром полиция арестовала мисс Элизабет Уоррел, проживающую в Редленде на улице Вудфилд-роуд, по подозрению в поджоге и убийстве. Ей было предъявлено обвинение в обоих этих преступлениях, и она предстала перед магистратским судом, который постановил, что ее дело будет рассмотрено судом присяжных во время весенней сессии. В настоящее время она заключена в женском крыле тюрьмы Хорфилд, где ожидает суда.

Считалось, что на период нынешних парламентских выборов Женский социально-политический союз, организация так называемых суфражеток, приостановил свою кампанию насильственных действий, однако, похоже, верить слову этих безрассудных женщин все-таки нельзя.

У мистера Брукфилда, их безвинной жертвы, не было семьи, но этого храброго молодого человека, проливавшего свет на самые темные закоулки нашего общества, будет очень не хватать не только тем, кто работал с ним рядом, но и всем гражданам нашего великого города.

Глава 1

– Будь добра, передай мне перец, – сказала леди Хардкасл.

Я рассеянно передала. Было утро пятницы, и каждая из нас читала газету. В какой части света мы бы ни находились, леди Хардкасл любила читать «Таймс», а также еще одну, более локальную, газету. Когда почти два года назад мы поселились в Литтлтон-Коттереле, она в качестве источника региональных сплетен выбрала «Бристольские известия». Существовала и еще более местная газета, издающаяся в рыночном городке Чиппинг-Бевингтоне, но леди Хардкасл предпочитала читать новости в газете, которая публиковалась в ближайшем из крупных городов. «Бристольские известия» выходили по вторникам и пятницам, и, когда на накрытом для завтрака столе лежали две газеты, моя хозяйка всегда брала первой именно ее.

– Какие новости в Бристоле? – спросила я. – Есть что-нибудь интересное?

– Все как обычно, – ответила она. – Выдано разрешение на строительство новых торговых площадей на... – она сделала паузу, чтобы просмотреть статью, – ... на Томас-стрит. Горячий призыв заведующего отделом спорта к увольнению управляющего футбольным клубом «Бристоль сити», после того как в среду он проиграл «Шеффилду» со счетом ноль – два. Новость о прибытии в порт Эйвонмут груза золота –

аж из Чили. И поджог на... на Томас-стрит. Один человек погиб. Полиция арестовала женщину, устроившую этот поджог.

– Редактор газеты из вас вышел бы никудышный, – сказала я. – Первым делом вам следовало бы сказать: – Поджог и убийство – поджигательница арестована.

– Тогда тебе стоило бы написать в «Бристольские известия» и сказать ее главному редактору, что он тоже никудышный газетчик. Шапка на первой полосе посвящена выборам в парламент. Опять.

– Нечасто слышишь о женщине, которая совершила поджог. Это, безусловно, наиболее интересная из новостей.

– Эта женщина – суфражетка, – сказала леди Хардкасл, просмотрев заметку еще раз.

– Тем более следовало бы сделать этот сюжет основным. «Бристольские известия» никогда не делали секрета из своего презрения даже к самой мысли о праве голоса для женщин, не говоря уже о том, чтобы женщины боролись за него.

– Ну, этот новостной сюжет подверстан к репортажу о высказываниях сэра Хауэлла Дэвиса на собрании либеральной партии в Бедминстере.

– Тьфу, – сказала я.

– Вот именно, тьфу. – Внимательно посмотрев на свою тарелку, она приподняла краешек яичницы, чтобы увидеть то, что скрыто под ней. – У нас что, закончился хаггис²?

² Шотландское национальное блюдо – бараний желудок, начиненный потроха-

– Мы доели его на неожиданно организованном вами бернсовском ужине³ во вторник.

– Какая жалость. Это был добавочный дивиденд, который подарила нам наша поездка. Нам следовало привезти побольше этого блюда.

Незадолго до Рождества мы ездили в Шотландию на бракосочетание брата леди Хардкасл с Лавинией Кодрингтон, сестрой графа Риддлторпа. Чтобы избавиться от бесконечных препирательств родных невесты относительно приготовлений к их свадьбе, они просто-напросто сбежали в Гретна Грин⁴. После бракосочетания, состоявшегося в кузнице, мы пожелали этой счастливой паре счастливой совместной жизни и поехали дальше в Эдинбург, где и приобрели небольшой запас хаггиса, предварительно распробовав его в великолепном ресторане нашей гостиницы.

– Количество хаггиса, которое можно вывезти из Шотландии, строго ограничено, – заметила я. – Шотландцы оберегают его весьма ревниво.

ми со специями.

³ Традиционная праздничная трапеза в день рождения великого шотландского поэта Роберта Бернса, 25 января.

⁴ Деревня на юге Шотландии, прямо на границе с Англией, местная достопримечательность, центр кузнечного ремесла, знаменитый кроме этого тем, что здесь почти двести лет со второй половины XVIII в. заключались браки между мужчинами и женщинами, которым без разрешения родни нельзя было пожениться в Англии и Уэльсе (в Шотландии брачное законодательство было гораздо мягче). Явление получило название «кузнечные свадебьы», так как простейшая церемония бракосочетания происходила чаще всего именно в кузнице.

– Их можно понять, – отозвалась моя хозяйка. – Ведь овцы там такая редкость, и их трудно ловить.

– Это если не знаешь их повадок, – сказала я. – Они живут на склонах гор, и левые ноги у них короче, чем правые, чтобы они не сваливались вниз. Этот результат эволюционной адаптации весьма полезен, но он означает, что им приходится всегда пастись, обратив морды в одну и ту же сторону и обегать гору только против часовой стрелки.

– Что делает их поимку легче?

– Вот именно.

– Век живи, век учись. А каковы твои планы на сегодняшний день, моя миниатюрная служанка?

– Похоже, мне опять придется заниматься починкой одежды. Ведь ваше зеленое платье... – начала было я.

– Ах, да, извини. Я споткнулась в оранжерее, и оно зацепилось за гвоздь.

Леди Хардкасл перепробовала немало увлечений и интересов, но у нее оставалась и неизменная страсть – создание «живых картинок», а точнее, «анимированных историй». Этим она занималась в кинематографической студии, которую обустроила в бывшей оранжерее.

– Если бы вы просто разрешили мне навести там порядок...

– У меня есть система, моя дорогая, – перебила меня она. – Каждая вещь должна иметь свое место, и все должно находиться на своих местах.

– Вы говорите это постоянно, но, похоже, «свое место» у вас только одно – пол.

– Платье я порвала всего чуть-чуть, – сказала она, – так что починка не займет у тебя много времени. А что ты будешь делать потом?

– После этого мне предстоит передышка, одна из тех, которые столь редко выпадают в моих непрерывных трудах. Поскольку рабочий день Эдны и мисс Джонс по-прежнему длится дольше моего, я подумала, что могла бы почитать.

– А мисс Джонс уже решила, что она приготовит на обед?

– Думаю, нет. А чего бы хотелось вам? Уверена, что ее можно уговорить приготовить все, что вам будет угодно.

– Почему бы нам не облегчить ей жизнь и не пообедать в «Псе и утке»?

– Как пожелаете, – ответила я. – Хотя я совсем не уверена, что сэндвич Старины Джо может сравниться даже с наименее изысканными обеденными творениями мисс Джонс.

– У него могут найтись и пироги с мясом. А их он берет у Холмана.

– Ах, да. К тому же это даст мне возможность поболтать с Дейзи. Хорошо, вы меня уговорили. Стало быть, встретимся в полдень у подножия лестницы?

– Да, увидимся там.

Как я и обещала, ровно в полдень я в пальто и шляпе ждала в холле. Вернее, полдень показывали имеющиеся здесь часы, в точности хода которых я с некоторых пор начала сомневаться. Помимо обыкновения по своему выбору то спешить, то отставать, они к тому же повадились отбивать четверти часа в самое разное время, близкое к четверти часа, однако никогда не ровно в надлежащее время.

Само собой, леди Хардкасл опаздывала даже с учетом скидки на выходы становящихся все более и более чудачковатыми часов. Взяв со стоящего в холле стола сегодняшнюю почту, я, чтобы скоротать время, начала перебирать ее.

Я сразу же узнала почерк и почтовые штемпели на письмах постоянных двух корреспонденток леди Хардкасл. Одна из них была женой дипломата, с которой моя хозяйка познакомилась в девяностых годах и с которой поддерживала оживленную переписку, касающуюся таких разноплановых тем, как вышивка, вязание, живопись, радиоаппаратура, химия и «специальная теория относительности» доктора Эйнштейна. Второй корреспонденткой была прославленная пианистка, страстно влюбленная в современную музыку... а также в садоводство. Я была уверена, что леди Хардкасл будет рада получить оба эти письма.

Среди почты имелось также два счета – один из них при-

шел от нашего виноторговца, и в нем наверняка значилась умопомрачительно высокая сумма.

Особенно интригующим мне показалось третье письмо. Его конверт был изготовлен из плотной и, несомненно, дорогой бумаги и надписан женским почерком, изящным, хотя и не совсем устоявшимся, как будто отправление была весьма и весьма молода. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Бристоля. Я положила его на самый верх стопки, чтобы леди Хардкасл увидела его первым и, возможно, сразу же удовлетворила мое любопытство.

Опоздав всего на десять минут, она наконец ворвалась в холл через дверь кухни.

– Прости, что опоздала, дорогая, – сказала она. – Я так увлеклась – на меня словно что-то нашло.

– Скорее, не нашло, а наехало, – заметила я. – Чем это вы так перепачкались, черт возьми?

– В основном отбеливающей глиной. Хотя, полагаю, вот это, возможно, осталось от кофе. – Она ткнула в пятно на своем плече. – Хорошо, что я надела рабочий халат, а?

– Да, хорошо.

– Дай мне десять минут на то, чтобы сполоснуть лицо и переодеться в чистое платье, и я буду готова.

– Договорились, миледи.

Она заметила маленькую стопку корреспонденции на столе. – О-о, почта. Начиная с Рождества ее приносят все позже и позже. Для меня что-нибудь есть?

Я нахмурилась.

– Тут все для вас. Как всегда.

– Хорошо. Давай ее сюда. Я быстро просмотрю перед тем, как подняться к себе.

Она перебрала почту и, к моему удовольствию, была так же заинтригована верхним письмом, как и я сама.

– Хм-м, – протянула она. – Интересно, от кого оно может быть?

Достав из кармана рабочего халата перочинный ножик, она разрезала конверт и, читая письмо, пошла по лестнице вверх.

– Не беспокойтесь, – сказала я. – Я подожду вас здесь.

– Договорились, дорогая, – ответила она, по-прежнему читая письмо. – Я быстро.

Надо отдать ей должное, она и в самом деле спустилась быстро и, возвратившись в холл в платье, застегнутом не на те пуговицы, и с волосами, выглядящими так, будто прическу ей делала маленькая девочка, читала письмо во второй раз.

– Вид у вас просто прелестный, – заметила я.

– Сегодня все идет не так, как надо, – посетовала она. – Если ты сможешь мне со всем этим разобраться, я буду у тебя в вечном долгу.

Я принялась перезастегивать пуговицы ее платья и приводить в порядок ее прическу.

– Что в этом письме так выбило вас из колеи? – спросила

я.

– Нас просят спасти человеческую жизнь, – ответила она.

– Силы небесные. Чью?

– Той женщины, о которой написано в газете.

– Суфражетки, которая подожгла магазин?

– Если можно верить даме, написавшей мне это письмо, эта суфражетка вовсе не поджигала магазин. И моя корреспондентка приводит два убедительных довода, почему она не могла это сделать.

– А вы уверены, что это письмо пришло не от какой-то очередной бестолочи, которая прочитала о вас в газете и решила, что у вас есть мистические способности?

– Может быть, она и бестолочь, этого я не знаю, но она знакома с Симеоном, так что думаю, она не питает иллюзий насчет моих способностей, как мистических, так и каких-то там еще. Он бы мигом объяснил ей, что к чему.

Доктор Симеон Гослинг был старым другом леди Хардкасл и сейчас работал в полиции Бристоля как судебно-медицинский эксперт.

– Какие же убедительные доводы она привела? Почему она так уверена, что эта суфражетка не делала того, в чем ее обвиняют?

– Автора этого письма зовут Джорджина, леди Бикл, и она пишет, что и сама является членом Женского социально-политического союза. Она лично ручается за арестованную Лиззи Уоррел и уверяет, что эта организация не только

не занимается поджогами, но на период проведения кампании по выборам в парламент вообще наложила мораторий на все виды активных действий.

– Об этом говорилось и в газете, – заметила я. – Но разве она не могла действовать по своей собственной инициативе?

– Леди Бикл затронула и этот вопрос. Она пишет: «Я знакома с Лиззи Уоррел уже более года и могу утверждать, что не знаю никого, более преданного ЖСПС. Невозможно себе представить, чтобы она пошла против указаний миссис Панкхерст⁵ и стала действовать по своей собственной инициативе особенно теперь, когда ставки так высоки, – ведь появились шансы на то, что мужчины нашей страны изберут такое правительство, которое поддержит наше дело». Поэтому, яснее не скажешь.

– Да, это в самом деле убеждает, – согласилась я. – А что именно она просит вас предпринять?

– Она просит нас – она говорит именно о «нас», дорогая, и упоминает твое имя – завтра утром явиться к ней на второй завтрак.

– А какой от этого прок?

– Она желает ввести нас в курс дела, надеясь, что мы сможем провести расследование и найти того, кто действительно виновен. Во всяком случае, так она пишет.

– И мы поедем к ней?

⁵ Эммелин Панкхерст (1858–1928) – глава британских суфражеток и ЖСПС, фигурантка списка журнала «Тайм» «100 героев и кумиров XX века».

– Полагаю, мы не можем ей отказать, а как думаешь ты? Я сегодня же отправлю ей телеграмму, когда мы будем в деревне. А потом мы могли бы поехать в Чиппинг, чтобы немного походить по магазинам. Мне нужно прикупить пару кое-каких мелочей.

– Но мы ведь все равно обедаем в «Псе и утке», да? – спросила я.

– Я обещала тебе пирог. И не могу оставить тебя без него.

* * *

– Как это у вас нет пирога? – спросила я барменшу Дейзи, мою подругу.

– Угомонись, – со смехом ответила она. – Ведь у нас остался сидр.

– Это я понимаю. Но мне хотелось именно пирога. Леди Хардкасл обещала мне пирог с мясом.

– Я могу приготовить тебе сэндвич с сыром, – предложила она.

Дейзи Спрэтт была дочерью мясника и моей лучшей подругой в деревне. Но сейчас вместо пирога она предлагала мне сэндвич с сыром. Как же легко бывает охладеть к человеку.

– А что, если я сейчас быстренько схожу в заведение Холмана и куплю пирогов с мясом – мы могли бы съесть их здесь?

– А как же, дорогуша, могли бы, если бы они там были. Вот только пирогов у нас нет как раз потому, что и у него их нет как нет. А у него ими и не пахнет по той простой причине, что у моего папаши нету говяжьей диафрагмы⁶. А говяжьей диафрагмы у него нету из-за...

– Из-за некоей цепи событий, ведущей к фермеру, которого разбил радикулит, вследствие чего он не смог доставить своих бычков на рынок? – предположила я.

– А я собиралась сказать, что от подводы отлетело колесо, вот мясо и не довезли, – подхватила она. – Ну так как? Два сэндвича?

– Да, – ответила я. – И одно бренди для леди Хардкасл. А я выпью имбирного пива.

– Обычно ты бываешь не прочь пропустить стаканчик.

– После обеда мы поедем в Чиппинг, а потому мне никак нельзя потерять голову. Ведь я буду управлять смертоносной машиной.

– Ну как же, видала я ваш автомат, – сказала Дейзи. – Посмотришь на то, как ты его водишь, так оборжешься. Скорее, можно помереть со смеху, чем от этих самых – как их там – автокатастроф.

– Да будет тебе известно, что в погожий день мы можем разогнать наш автомат до скорости в двадцать пять миль. Если ехать под гору. И при попутном ветре.

Она рассмеялась и отдала мне наши напитки.

⁶ Один из субпродуктов, мышечная ткань, разделяющая грудину и брюшину.

– Вы удобно расположились?

– Да, сидим чинно и благородно, ибо мы дамы возвышенные и утонченные.

– Когда сэндвичи будут готовы, я вам их принесу.

– Спасибо, – сказала я.

Когда я приготовилась вернуться к нашему столу в другой части паба, в него вошли двое молодых сельскохозяйственных рабочих и, громко топая, подошли к Дейзи. Увидев их плотоядные ухмылки, я поставила наши напитки на ближайший стол и начала ждать, чтобы посмотреть, что произойдет – просто на всякий случай.

– Две пинты пивка, моя сладкая, – сказал первый работник.

– А как принесешь, с тебя поцелуй, – добавил второй.

– Будут вам две пинты, – ответила Дейзи. – А что до поцелуя, то хрен тебе, Дэви Уиттен, как-нибудь перетопчешься – я девушка не из таковских.

– А мы слышали иначе, – сказал первый работник.

– Да ну? И что же вы слышали?

– А то, что на прошлой неделе видали, как ты целовалась с Дэнни Ледбеттером за павильоном для игры в крикет.

– Вранье, – сказала Дейзи. – Последний раз с Дэнни Ледбеттером я и разговаривала-то еще до Рождества, не говоря уже о том, чтобы целоваться. Кто вам это набрехал?

– Об этом толкует все деревня, – ответил второй работник. – Да ладно тебе, просто поцелуй нас, и все.

Я вернулась к стойке.

– Все в порядке, Дэйз? – спросила я.

– Да, все путем, – ответила она, но было очевидно, что она выбита из колеи. – Просто собираюсь налить этим двум славным джентльменам по пинте пива.

– И каждому по поцелую, – вставил первый работник. – А раз и ты тут, то поцелуй и с тебя, дорогуша.

Он попытался схватить меня, но я поймала его руку и выкрутила его большой палец так, как не было предусмотрено природой. Он взвыл.

– Не делай этого, любезный, – сладко сказала я. – Не то тебе может не поздоровиться. – Я крутанула его большой палец еще чуть-чуть. – Заплатите за свое пиво и убирайтесь. А если я опять услышу, как вы клеветаете на мою подругу, то ни один из вас не отделается такой малостью, как вывихнутый палец.

Он злобно уставился на меня, однако благоразумно решил не рисковать. Я подождала, пока они не перенесли свое пиво на стол, находящийся на почтительном расстоянии от стойки.

– О чем вообще речь? – спросила я Дейзи.

– Точно не знаю. Но эти двое не первые, кто молот эту околесицу. Видать, кто-то распускает обо мне слухи.

– А у тебя есть какие-то предположения относительно того, кто это может быть?

– Пока нет. Но коли узнаю...

– Дай мне знать, если надо будет расквасить кому-то нос – я никому не позволю пятнать доброе имя моей лучшей подруги.

– Спасибо, – ответила она. – Может, когда-нибудь я и напомню тебе, что ты пообещала. А сейчас иди, и я принесу вам ваши сэндвичи.

Наконец я возвратилась к леди Хардкасл, неся наши напитки.

– Теперь ты уже начала затевать драки в пабах? – спросила она, когда я уселась за стол.

– Просто парочка парней пыталась подбивать клинья к моей подруге, – успокоила ее я. – Пустяки.

Я объяснила причину отсутствия в пабе пирогов с мясом, и она фыркнула.

– Сэндвич с сыром могла бы соорудить даже я сама, – сказала она. – Ну да ладно. Как бы то ни было, приятно выбраться в свет.

Несколько минут спустя Дейзи принесла сэндвичи, и мы принялись безропотно жевать их, обсуждая наши планы на остаток дня.

* * *

Возвратившись домой, мы начали готовиться к поездке в соседний рыночный город Чиппинг-Бевингтон. Одеваться для поездки на автомоторе – не меньшая морока, чем наря-

жаться для прогулки верхом, занятий спортом или для поездки на бал. Когда сидишь в открытом всем ветрам «ровере», тарахтящем по дороге, это бодрит даже летом и всегда требует особой экипировки, дабы защититься от стихий. А если выезжаешь в пронизывающий холод, свойственный английскому январю, это всегда означает, что надо облачиться в теплые непромокаемые пальто, шерстяные кашне, плотные кожаные перчатки с крагами, еще более плотные ботинки, зимние шапки и, что не перестает меня забавлять, защитные очки.

Когда мы наконец закончили экипироваться, я принялась крутить заводную ручку, чтобы запустить мотор.

– Должен же быть какой-то иной, более легкий способ запустить эту штуку, – сказала я, в третий раз крутанув тяжелую ручку.

– Ты хочешь сказать, какой-то мотор, чтобы запустить мотор? – спросила леди Хардкасл. – Но что запустит сам этот мотор? Еще один мотор?

– Я совершенно уверена, что человеческому уму вполне по силам изобрести систему, которая не будет требовать, чтобы кто-то – я могла бы добавить, что обычно это бывает представитель угнетенных масс, – запускал эту дурацкую штуку вручную. Как насчет чего-нибудь вроде пружины?

– Или электрического мотора? – подала мысль она.

– Я готова проголосовать за все что угодно, лишь бы это уберегло меня от опасности надорвать спину или сломать ру-

ку.

– Если бы у нас было право голоса, я бы сделала то же самое.

– Вы очень добры, но сами-то вы отнюдь не испытываете от этого неудобств, – заметила я, сев на место шофера и включив первую скорость. – Не помню, когда вы в последний раз запускали мотор.

– Зато всякий раз, когда мы куда-нибудь едем, мне приходится слушать, как ты жалуешься на жизнь. Я готова заплатить двойную цену за любую систему, которая избавила бы меня от этого.

Я пробурчала в кашне пару возмущенных слов и вывела маленький автomotor на дорогу.

Поездка в Чиппинг (все местные называли этот городок именно Чиппинг, поскольку давно решили, что выговаривать Чиппинг-Бевингтон слишком мудрено) была короткой и ничем не примечательной. Вскоре мы припарковали автomotor на Хай-стрит у входа в магазинчик Помфри, торгующий безделушками.

– Может, зайдём? – спросила я, когда мы вышли из автomotora и сняли перчатки с крагами и защитные очки.

– При виде чудес прелестного магазинчика мистера Помфри меня также всегда преисполняет энтузиазм, – ответила леди Хардкасл, – но в нашем доме и так более чем достаточно барахла. Думаю, мы зайдём к нему как-нибудь в другой раз.

Я в последний раз взглянула на витрину лавки с ее скопищем ненужного хлама, любуясь – снова – головой лося с нахлобученным на нее пробковым шлемом и торчащим из пасти кальяном. Как-нибудь потом, подумала я.

– И мы никогда не купим этого лося, – бросила мне через плечо моя хозяйка, направляясь в расположенный через дорогу писчебумажный магазин. – Куда бы мы его дели?

Я торопливо следовала за ней, весьма обеспокоенная вдруг прорезавшейся у нее способностью читать мысли. Это был новый и тревожный поворот.

Покупка «пары кое-каких мелочей», о которой она упомянула как бы невзначай, оказалась отнюдь не таким мелким приобретением, как можно было подумать по ее небрежному тону. Она долго рассматривала образцы товаров, после чего, к вящей радости хозяина магазина, заказала изрядное количество карточек разной плотности, рисовальной бумаги, акварельной бумаги, писчей бумаги и конвертов, а также несколько блокнотов и множество туши и акварельных красок самых разных цветов. Кроме того, ее соблазнили новомодные цветные карандаши марки «Полихромос», и она заказала два набора.

Из писчебумажного магазина мы перебрались в галантерейный, где она приобрела материалы для изготовления кукол для своей анимации. После того, как в прошлом году публика оказала ее первой анимированной фильме восторженный прием, она принялась за еще одну. Сюжет она, к мо-

ей немалой досаде, держала в секрете, но, судя по всему, в ходе работы над этой фильмой требовалось изготовить множество крошечных костюмов для кукольных персонажей.

А я воспользовалась приездом в Чиппинг, чтобы пополнить мой запас принадлежностей для починки платья. Это было далеко не так интересно, как покупка материалов для пошивки костюмов, в которые будут облачены миниатюрные куклы-актеры в анимированной фильме, но при безалаберном отношении леди Хардкасл к носимой ею одежде это было не менее важно.

Но все испустил наш визит в третий магазин. В конце Хай-стрит расположился Книжный магазин Боксвелла, принадлежащий мистеру Дадли Боксвеллу, магазин, имеющий витрину, полную всех чудес этого мира, которые только можно себе представить, а также тех, которые еще только предстоит открыть. В конце концов меня пришлось вытаскивать из него силой, однако я покинула его лишь после того, как уговорила леди Хардкасл закупить целую охапку книг.

Большую часть наших сегодняшних приобретений доставят к нам домой в ближайшие дни, но в «ровере» все равно надо было отыскать место для нескольких небольших свертков из писчебумажной и галантерейной лавок, а также для завернутой в оберточную бумагу внушительной пачки книг. Самые маленькие свертки можно было уместить в крошечную закрывающуюся емкость, расположенную за сиденьями, но, как мы ни тщились, втиснуть в этот ящик книги мы так

и не смогли.

– Надо будет постараться упросить Пройдоху изготовить для нас более вместительный автомотор, – сказала леди Хардкасл, засунув книги под ноги, из-за чего ее ступни едва втиснулись в тесный закуток перед сиденьем.

– Вы уже обещали сделать это в Ночь Гая Фокса⁷ – заметила я. – Что-нибудь с закрытым салоном и более мощным мотором. Однако...

– Знаю, знаю. Я ему напишу. А сейчас едем домой, и не медли – моим ногам очень неудобно в такой тесноте.

* * *

Пока мисс Джонс добавляла последние штрихи, готовя ужин, я починила зеленое платье. А затем, после того как две остальные служанки были отправлены домой, мы с леди Хардкасл спокойно поужинали и сели у камина, чтобы провести вечер за чтением книг. По неизвестным мне причинам леди Хардкасл увлеклась идеями французского философа Анри Бергсона⁸ и купила три его произведения, вклю-

⁷ Она же Ночь костров, или Ночь фейерверков – британское народное празднование в ночь на 5 ноября, первоначально в честь неудачи Порохового заговора 1606 г., попытки взорвать короля Якова I в здании Палаты лордов. Бочки с порохом должен был поджечь Гай Фокс, и на 5 ноября сжигают символизирующие его чучела. Накануне и в день этого праздника происходит действие предыдущего романа Кинси «Картина убийства».

⁸ Анри-Луи Бергсон (1859–1941) – французский философ, один из основа-

чая «Смех: Эссе о значимости комичного». А я, не желая от нее отставать, приобрела «Психопатологию обыденной жизни» Зигмунда Фрейда. Я была не совсем уверена, что получу большое удовольствие, читая ее, однако нельзя же отставать от современных течений мысли.

Для отдыха и развлечения я купила новое сочинение Гилберта Кита Честертона⁹ «Шар и крест» и книгу автора, о которой я еще не слыхала, П.Г. Вудхауса, которая называлась «Майк» и которую хозяин книжного магазина мистер Боксвелл порекомендовал мне лично.

– Она ужасно забавная, – сказал он. – Уверен, что вы будете от нее в восторге.

В отличие от меня леди Хардкасл предпочла не рисковать и приобрела произведения более проверенных авторов, таких как Честертон и Герберт Уэллс. Роман Уэллса «Анна-Вероника» был написан на злобу дня – речь в нем шла о борьбе женщин за избирательные права. Я отметила про себя, что этот роман надо будет прочесть и мне самой, когда она его дочитает.

– У вас были еще какие-то мысли относительно этого дела о поджоге? – поинтересовалась я, дойдя до конца очередной главы.

Леди Хардкасл отложила книгу, сняла очки для чтения и,

телей направления интуитивизма, для которого характерно особое внимание к психической жизни познающего действительность человека.

⁹ Гилберт Кит Честертон (1874–1936) – английский писатель, публицист, богослов, создатель знаменитого католического детектива-любителя отца Брауна.

прежде чем ответить, какое-то время смотрела на огонь.

– Мне известно не больше, чем тебе, – сказала она наконец. – Если сведения, приводимые в газете, соответствуют действительности, то, на первый взгляд, дело кажется ясным. Суфражетки никогда не уклоняются от принятия ответственности за свои действия – они считают, что вызываемый ими ажиотаж привлекает внимание общества к цели их борьбы. С их *modus operandi*¹⁰ вполне согласуется и то, что на месте преступления были разбросаны их листовки. Если бы не имеющиеся неувязки и не письмо леди Бикл, я бы об этом больше не вспоминала.

– Да, в этом деле определенно есть неувязки.

– Вот именно. Я не очень-то много знаю об Эммелин Панкхерст, только то, что читала в газетах, но у меня такое впечатление, что в своем женском союзе она поддерживает железную дисциплину. Я не могу себе представить, чтобы кто-то из ее сподвижниц пошел на такое нарушение ее указаний, одновременно заявляя, что действует от имени организации.

– И они всегда заботились о том, чтобы от их акций никто не пострадал.

– Да, неизменно. Судя по всему, им очень важно, чтобы страдали только они сами, желательно от рук властей. Это относится ко всем их членам, так что даже какая-нибудь несогласная с курсом организации непременно проследила

¹⁰ Образ действий, характерный почерк (*лат.*).

бы за тем, чтобы в поджигаемом ею здании не было людей. А леди Бикл уверяет, что эта Лили Уордл...

– Лиззи Уоррел, – поправила я.

– Да, Лиззи Уоррел. А я как сказала?

– Не так.

– В самом деле? Ну, хорошо. Эта Леонора...

– Если вы не страдаете от описанного доктором Фрейдом неосознаваемого стремления подавлять тревожные воспоминания, то вы нарочно изображаете забывчивость. Но я не поддамся на провокацию.

– Зануда. Но леди Бакл... – Она сделала паузу, проверяя мою реакцию, но я просто подняла брови и уставилась на нее. – Но леди Бикл, – продолжила она, – настаивает на том, что Уоррел невиновна.

– Друзья, коллеги и знакомые обвиняемых обычно твердо стоят на том, что они невиновны, – заметила я. – Нередко даже тогда, когда улики неоспоримы. Никто не хочет верить, что их приятель или приятельница и впрямь совершили преступление.

– Ты права, права. Отправляясь завтра на встречу с леди Бикл, мы должны держать ухо востро и сохранять объективность. Однако сейчас мне уже надоело читать и хочется пить бренди и распевать песни. Сходи за выпивкой, а я подыщу какую-нибудь духоподъемную песню, чтобы спеть на ночь.

Глава 2

По обоюдному согласию утром в субботу Эдна и мисс Джонс всегда приходили немного позже, чем в остальные дни недели. Теперь, когда мы жили в сельской местности, леди Хардкасл нечасто выезжала в свет, но мы по-прежнему говорили, что позднее пробуждение и позднее начало дня в субботу нужны для того, чтобы дать ей возможность выспаться после вечера пятницы и его утех. Настоящая же причина заключалась в том, чтобы позволить Эдне, которая вместе со своим мужем Дэном всегда бывала душой компании, когда в «Псе и утке» гуляли вечером в пятницу, как следует проспаться после ее собственных утех.

Несколько лет назад, когда мы жили в Лондоне, американская подруга леди Хардкасл познакомила ее с яйцами Бенедикт¹¹, которые та с тех пор именовала не иначе как «утренние деликатесы». Нам рассказали, что в Нью-Йорке это сейчас последний писк моды, и теперь леди Хардкасл более всего любила есть на завтрак именно это блюдо. Поскольку приготовление такой его части, как голландский соус¹², это еще та морока, я готовила его нечасто, но реакция моей хозяйки на эти яйца доставляла мне такое удовольствие, что время от

¹¹ Бутерброды с яйцами-пашот (сваренными без скорлупы).

¹² Готовится из смеси яиц и сливочного масла.

времени у меня все-таки появлялось желание поднапрячься.

И сегодня она оправдала мои ожидания в очередной раз.

– Флоренс Армстронг, ты маленькое валлийское чудо, – сказала она, когда я водрузила поднос с завтраком ей на колени. – Я не ела яиц Бенедикт уже целую вечность. Ты просто великолепна и делаешь свое дело не по обязанности, а от души.

Я подчеркнуто сделала книксен.

– Всегда к вашим услугам, миледи, – ответила я.

– Но как же ты? Разве ты не будешь завтракать со мной?

– Я поела тостов на кухне, – сказала я. – Не хотела наесться на тот случай, если, когда мы явимся на второй завтрак к леди Бикл, она решит устроить пир горой. Нет смысла корпеть над горячей сковородкой, если чужая кухарка все равно накормит меня.

– Теперь я чувствую себя просто обжорой. Полно, давай съедим их пополам, тогда в желудках у нас обеих будет достаточно места и для сэндвичей с джемом, и для больших кусков фруктового торта.

Яйца Бенедикт выглядели аппетитно, и я приняла ее предложение.

К тому времени, как завтрак был съеден и поднос с грязной посудой унесен, настало время для ритуала облачения ради поездки в Клифтон¹³. На улице по-прежнему стоял пронизывающий холод, так что пожертвовать какой-то частью

¹³ Фешенебельный район Бристоля.

нашей всегдашней дорожной экипировки, обойдясь без нее, было невозможно.

– Хотела бы я знать, очень ли рьяно леди Бикл следит за модой, – проговорила леди Хардкасл, пока я завязывала шнурки тяжелых ботинок, в которых она совершала поездки на автомоторе. – И не легковерна ли она. Как ты думаешь, получится у нас убедить ее, что эти наши тяжелые грубые ботинки находятся сейчас на самом пике парижской моды?

– Можно применить куда менее рискованную стратегию¹⁴ – взять с собой мешок с более изящной обувью и переобуться в нее по приезде, – предложила я. – Я не знаток этикета, но не думаю, что заранее предполагать, что хозяйка дома, в который ты едешь с визитом, невежественна и глупа – это хороший тон.

Леди Хардкасл вздохнула.

– Опять морока, – сказала она. – Что ж, хорошо. Полагаю, это та цена, которую мы платим за то, что имеем такую свободу передвижения.

И в конце концов мы пустились в путь, захватив с собой сменную обувь, которую положили в ящик, расположенный за сиденьями.

Пятнадцатимильный путь от Литтлтон-Коттерела до Клифтона занял у нас почти час и прошел без особых происшествий. Правда, на Уайтледиз-роуд на нас накричал молочник, когда тарактение нашего «ровера» заставило его ло-

¹⁴ Хитроумный план, оригинальный путь к достижению цели.

шадь испуганно шарахнуться, но к подобным поношениям мы уже привыкли. Леди Хардкасл только улыбнулась и помахала ему рукой.

На Квинз-роуд я, доехав до Городского музея, повернула направо и поехала на Беркли-сквер. Здесь у лестницы, ведущей к нарядному полукруглому трехэтажному кирпичному зданию в георгианском стиле, состоящему из шести частных домов с общими стенами – Беркли Кресент, мы и остановились.

– Как раз вовремя, – сказала леди Хардкасл. – Спасибо.

Я выскочила из авто и взяла из ящика мешок с нашей сменной обувью.

– Нам нужен дом пять, – сообщила мне моя хозяйка, и мы поднялись по лестнице на мощенное каменными плитами пространство перед Беркли Кресент.

На первой из дверей, которую мы миновали, красовалась цифра шесть.

– Мне никогда не понять, что на уме у строителей, – заметила леди Хардкасл. – Кому, скажи на милость, может прийти в голову, чтобы нумерация полукруга шести домов шла справа налево, а не слева направо? Только безумцу.

– Дом строился во время войны с Наполеоном, – сказала я, – так что это, вероятно, было сделано, дабы сбить с толку французских шпионов. Как бы Франция осуществила вторжение, если они не могли взять в толк, где мы живем?

Моя хозяйка энергично дернула шнур дверного звонка

дома номер пять, и вскоре нам открыл седой как лунь дворецкий с небольшим серебряным подносом в руке.

– Добрый день. – Леди Хардкасл положила на поднос свою визитную карточку. – Полагаю, леди Бикл ожидает нас.

Дворецкий украдкой взглянул на карточку.

– Да, леди Хардкасл, она попросила вас подождать ее в гостиной.

И отошел в сторону, чтобы дать нам пройти.

– Не могли бы вы отвести нас туда, где мы сможем сменить обувь? – осведомилась моя хозяйка.

Дворецкий посмотрел на наши тяжелые ботинки.

– Да, миледи, – после короткой паузы сказал он. – Прошу вас, следуйте за мной.

Взяв наши пальто, шапки, перчатки с крагами и защитные очки, он отвел нас в расположенный в задней части дома чулан для обуви и, подождав снаружи, пока мы переобувались, сопровождал нас в гостиную. К тому времени, когда мы вошли, там нас уже ждала красивая элегантно одетая дама. Она была еще моложе, чем я ожидала, однако держалась с уверенностью, редкой для ее лет. И она была высокая. Ну, почему все вокруг наделены таким высоким ростом?

– Миледи, – сказал дворецкий, – к вам леди Хардкасл.

– Благодарю вас, Уильямс, – молвила элегантная дама. – Думаю, чай мы будем пить здесь.

Дворецкий удалился.

Дама протянула руку.

– Джорджина Бикл, – представилась она. – Но зовите меня Джорджи. Так меня называют все.

Леди Хардкасл сердечно пожалала ее руку.

– Эмили. А это Флоренс Армстронг.

– Здравствуйте. Очень приятно с вами познакомиться, – сказала леди Бикл. – Я так много слышала о вас обеих. Симеон Гослинг только о вас и говорит.

Я поздоровалась в ответ и сделала чуть заметный книксен.

– Надеюсь, Симеон не преувеличил наших достоинств, – скромно ответствовала леди Хардкасл. – Мы далеко не так интересны, как вы могли подумать.

– Я тоже надеюсь, что он не преувеличил, – заметила леди Бикл. – Мне ужасно хочется, чтобы история о том, как вас связали и оставили в заброшенном домике, оказалась правдой. И о погоне на автомоторах в темноте. Судя по его рассказам, у вас обеих такая яркая, увлекательная жизнь.

– Уверена, что он не пожалел красок, – сказала леди Хардкасл, – но не принимайте его рассказы слишком уж всерьез. На самом деле все было довольно обыденно и прозаично.

– Возможно, для вас это и обыденно, но, если ты всего лишь жена хирурга... слово «прозаично» означает нечто иное, нежели то, что подразумеваете под ним вы. Однако прошу вас, садитесь.

И она взмахом руки показала нам на кресла, стоящие перед камином.

– Расскажите о вашей работе с суфражетками, – попро-

сила леди Хардкасл, когда мы уселись. – Должно быть, это ужасно интересно.

– О, да. И очень важно, не так ли?

– Да, крайне важно, – согласилась леди Хардкасл.

– А что об этом думаете вы, мисс Армстронг?

– Я выступаю за равноправие для всех и во всем, – ответила я. – Но не питаю больших надежд. Права голоса нет и у огромного количества мужчин, так что свои собственные шансы на его получение я оцениваю невысоко, даже если британский парламент наконец и прозреет. Ведь я не являюсь владелицей недвижимости, а значит, все равно не прошла бы избирательный ценз.

На минуту леди Бикл задумалась.

– Вы, разумеется, правы. Даже в наших собственных рядах есть много тех, кто считает, что мы должны бороться за всеобщее избирательное право, а не только за право голоса для женщин. Но, по моему мнению, если мы сможем проделать хотя бы малую брешь в этой стене, добившись избирательных прав для *некоторых* женщин, вскоре после этого наши законодатели поймут, насколько неразумно отказывать в них любому взрослому британцу.

– Уверена, что это может стать шагом в правильном направлении, – сказала я.

– Ну и отлично. А вот и Уильямс с нашим чаем. Вы как раз вовремя, Уильямс. Нам начинала грозить опасность впасть в состояние вялого и тупого единомыслия, но явились вы с

чаем и угощением, а ничто не может подвигнуть англичанок к более ожесточенным спорам, чем вопрос о разливании чая.

Дворецкий поставил поднос на низкий столик, стоящий перед камином. Кроме фарфорового чайника, чашек, блюдца и молока, на нем имелось несколько видов миниатюрных сэндвичей и изысканнейших пирожных. Если они не были творением французского кондитера, то в штате у Биклов явно состояла чрезвычайно искусная кухарка.

Уильямс удалился, не произнеся ни слова.

– Знаете, – заметила леди Бикл, – моя матушка всегда настаивала на том, чтобы сначала наливать в чашки молоко, но, по-моему, это так старомодно. Лично я предпочитаю добавлять молоко последним. А у вас, Эмили, есть какое-то определенное мнение на сей счет?

– Боюсь, за последние двадцать лет мне пришлось совершить столько переездов, что я не в силах уследить за всеми веяниями. Однако могу вам сказать, что именно эта частность влияет на вкус напитка, если для вас это имеет значение.

Похоже, леди Бикл была впечатлена.

– В самом деле? Вот уж никогда бы не подумала. А в чем заключается отличие?

– Когда сначала наливаешь молоко, добавляемый затем чай нагревает его медленно, так что оно не обжигает. Кроме того, оно более равномерно вбирает танины¹⁵ из чая по при-

¹⁵ Вещества, придающие чаю и другим растениям терпкий вкус.

чинам, которые нам нет нужды разбирать. Если же налить молоко последним, оно, соприкасаясь с горячим чаем, нагревается быстро и потому может обжечь и, вступая в реакцию с танинами, поглощает их не столь равномерно. По вкусу одно не сильно отличается от другого, но я была знакома с одной женщиной, которая могла безошибочно определить, как был разлит чай, десять раз из десяти.

– Ну и ну! Я и не подозревала, что это так важно. Симеон говорил, что вы знаток естественных наук.

Леди Хардкасл сердечно рассмеялась.

– Да так, просто поднабралась кое-каких знаний.

– Судя по тому, что я слышала, вы скромничаете. Очень надеюсь, что вы сможете нам помочь.

– Я тоже на это надеюсь. Прошу вас, расскажите нам о деле вашей подруги.

Пока мы поедали маленькие сэндвичи (куда более легкие для переваривания, чем толстые сэндвичи Старины Джо, но и куда менее сытные) и пили чай (чередую в ходе предложенных леди Хардкасл экспериментов тот, где молоко было налито в начале, и тот, где оно было налито в конце, – при этом лично я так и не смогла почувствовать разницу между тем и другим), леди Бикл излагала нам подробности этого дела.

– Полагаю, вы читали то, что было написано в газете, – начала леди Бикл.

– Да, читали, – подтвердила леди Хардкасл. – Эта заметка была опубликована в пятничном выпуске «Бристольских известий».

– Совершенно верно. События там изложены сносно, но, как это часто бывает с тем, что печатается в газетах, полной их картины заметка не дает. И, как в общем-то и следовало ожидать, она рисует ЖСПС в довольно неприглядном свете.

– Похоже, в «Бристольских известиях» вас не жалуют, не так ли?

– Совсем не жалуют. Совсем.

– Я могу задать вопрос? – сказала я.

– Разумеется, – ответила леди Бикл. – Из того, что пишут в газетах, я поняла, что вы важный член команды. Надо же – только что я поносила прессу за то, что на нее нельзя положиться, и тут же ссылаюсь на нее как на ценный источник данных. Ситуация никогда не бывает так однозначна, как нам нравится думать, не правда ли? – Она замолчала, воззрившись на потолок. – Простите, вы, кажется, хотели что-то сказать?

– Да, миледи, – подтвердила я. – Я просто хотела внести ясность – вы предпочитаете, чтобы вас называли ЖСПС или

все же суфражетками?

– О, это интересный вопрос. Когда несколько лет назад тот малый из «Дейли мейл» придумал термин, мы были несколько раздражены. Назвав нас так, тот газетчик хотел унижить наше достоинство, представив нас таким сборищем незрелых пустоголовых девочек, играющих в политику просто-напросто от нечего делать. Но знаете что? В конце концов этот термин приняли на вооружение и мы сами. Называя себя так, мы подчеркиваем свое отличие от просто суфражисток, к тому же слово «суфражетки» звучит так молодо, так... как бы это выразиться? Энергично? Да, энергично. Мне это нравится. Благодаря ему наше движение выглядит более энергичным, вы не находите? Мы, девушки из бристольского отделения ЖСПС, называем себя именно суфражетками.

– Благодарю вас, – сказала я. – Я не хотела вас оскорбить, используя не то слово.

– Я бы и не оскорбилась. Мы признательны за то, что вы согласны помочь. Ведь вы согласитесь, да?

– Мы, безусловно, готовы выслушать ваш рассказ, – сказала леди Хардкасл.

– Конечно, конечно, я, как всегда, опережаю события. Что именно вам известно о нашем союзе?

– По большей части то, что можно узнать из газет. Правда, мы побывали на паре собраний, не так ли?

Я утвердительно кивнула.

– Тогда вы знаете, что в последние годы мы поднимаем

куда больший тарарам, чем прежде. Как оказалось, проводя благонравные собрания и составляя вежливые письма членам парламента, далеко не уедешь – поэтому мы и откололись от той части движения за предоставление женщинам избирательных прав, которая выступает исключительно за мирные и благопристойные способы борьбы. Мы считаем, что иногда бывает просто необходимо учинить скандал. Нам всегда нравилось тормошить власти, лезть на глаза, ну, знаете, нарываться, делать так, чтобы нас арестовывали и все такое. Но оказалось, что таким образом их внимания не привлечешь, а посему несколько лет назад мы начали кампанию причинения имущественного ущерба.

– Вы принялись бить окна, – уточнила я.

– Именно так. Больше ничего. У нас есть строгое правило – никто не должен пострадать. И ущерб можно наносить только окнам. Владельцам имущества это доставляет неудобство, а для стекольщиков это лишняя работа, но это не очень-то серьезный ущерб.

– И никаких поджогов? – спросила леди Хардкасл.

– Боже, нет. О таких крайностях речь не идет. О чем бишь я? Ах, да. Когда мистер Асквит¹⁶ объявил о проведении выборов в парламент, миссис Панкхерст постановила, что на период этих выборов ЖСПС должен полностью прекратить осуществление энергичных акций. Было решено сосредото-

¹⁶ Герберт Генри Асквит (1852–1928) – премьер-министр Великобритании в 1908–1916 гг.

читать все усилия на мероприятиях более консервативного порядка, вы меня понимаете? Никакого битья окон или чего-то еще в этом духе. Во всяком случае, пока. Мы все согласились, что это наилучший способ послужить нашему делу и не растерять сторонниц. И мы следуем этому правилу неукоснительно.

– Стало быть, в последнее время вы вообще не осуществляли подобных акций? – спросила леди Хардкасл, которая теперь делала запись в своем карманном блокноте.

– Да, вообще. В этом-то и суть. С момента начала избирательного процесса ни одна из суфражеток бристольского отделения нашего союза даже не топнула ногой, выпуская пар, не говоря уже о том, чтобы бить окна. И никто из членов ЖСПС по всей стране никогда не сжигал магазинов. Я повторяю, никогда.

– Тогда что же произошло... – леди Хардкасл пролистнула назад несколько страниц своего блокнота, – ...вечером во вторник?

– Как раз это и нужно выяснить, и мы надеемся, что это сделаете вы. Тот магазин сгорел, и в огне погиб тот несчастный журналист, но мы не имели к этому никакого отношения.

– Неподалеку были обнаружены ваши листовки. Таким образом вы обычно и заявляете, что к той или иной акции причастны именно вы? Именно так вы и берете на себя ответственность?

– Совершенно верно, – призналась леди Бикл. – Совершив акт хулиганства, мы всегда оставляем на месте несколько наших листовок – нам необходимо, чтобы люди знали, что это наших рук дело, чтобы они поняли, как велик наш гнев.

– И записки тоже?

– Иногда. В тех случаях, когда нужно объяснить, почему мишенью своей акции мы сделали именно этот объект.

– Но это точно была не... – Леди Хардкасл опять заглянула в блокнот. – ... не Элизабет Уоррел?

– Лиззи Уоррел. Нет.

– А она не могла действовать по собственной инициативе?

– Она очень преданный член нашего союза, – сказала леди Бикл. – Конечно, никто не знает, о чем тот или иной человек думает про себя, но я абсолютно убеждена, что, даже если бы она потеряла голову и решила сжечь магазин, над которым кто-то спал, она никогда не стала бы возлагать вину за это на нас. Она ни за что не навлекла бы осуждения на наш союз.

– А как вы думаете, она могла потерять голову?

– Честно? Нет.

– А вы хорошо ее знаете?

– Так же хорошо, как и любую другую из суфражеток нашего отделения ЖСПС, – ответила леди Бикл. – Мы не совсем семья, но все мы очень близки. И всецело доверяем друг другу. Иначе нельзя.

– А у нее есть алиби?

– Ну и ну. Алиби. Прямо как в детективных рассказах.

Алиби и зацепки. Не уверена, что оно у нее есть. Она уверяет, что, когда начался пожар, она была в Редленде¹⁷ у себя дома, но нет никого, кто мог бы это подтвердить.

– У безвинных людей редко бывают наготове алиби, – заметила леди Хардкасл. – А против нее есть еще какие-то улики?

– Насколько мне известно, нет. Во всяком случае, полиция об этом не говорила.

– А откуда вы взяли эти сведения?

– У самой Лиззи. Я пришла к ней сразу. И присутствовала на заседании магистратского суда, который передал ее дело на рассмотрение суда присяжных.

– Полагаю, ей была оказана юридическая помощь?

– Да, мы оплатили юридические услуги. В городе есть пара солиситоров, сочувствующих нашему делу, и один из них немедленно пригласил на дело барристера¹⁸, но от этого, разумеется, не было никакого толку. Мы надеялись вытащить ее под залог, но, как вы сами прочитали в газете, она будет содержаться в тюрьме Хорфилд до весенней сессии суда присяжных.

Леди Хардкасл отпила чаю и на минуту задумалась. Она еще раз полистала свой блокнот, после чего опять подняла

¹⁷ Район Бристоля.

¹⁸ В Великобритании есть два вида адвокатов: солиситоры и барристеры. Солиситор – адвокат низшего ранга, не имеющий права выступать защитником в высших судах и подготавливающий материалы для барристера, который такое право имеет.

взгляд на леди Бикл.

– Вы убедили меня в том, что, по всей вероятности, это не Лиззи Уоррел, – заключила она. – К тому же ЖСПС никогда не занимался поджогами и вообще объявил перемирие. Вы описали Лиззи как преданного члена союза, которая никогда бы не нарушила приказ. И уверяете, что она бы ни за что не сделала ничего подобного по собственной инициативе.

– Я готова держать пари на мои драгоценности, что это не она, – с жаром сказала леди Бикл.

– Однако для присяжных все эти аргументы не годятся. Вы можете объяснить им, почему это вряд ли была Лиззи, но мы должны суметь доказать, что это точно была не она.

– Так сказал и наш барристер. Думаю, он не очень-то сочувствует нашему делу, хотя профессия обязывает его оспаривать обвинение. Однако, по его словам, он мало что может сделать. Не имея железного алиби, сложно доказать, что обвиняемый не совершал того, в чем его обвиняют, основываясь только на уверениях его друзей в том, что он не мог этого совершить.

– Безусловно, – согласилась леди Хардкасл. – Насколько я понимаю, наша задача будет состоять в том, чтобы доказать ее невиновность, найдя того, кто действительно сжег магазин и убил мистера Бейкерсфилда.

– Брукфилда, миледи, – машинально поправила ее я.

– Да хоть бы и Брукфилда, – подтвердила она. – Так мы и докажем ее невиновность – отыщем настоящего преступ-

ника.

– Так вы, и правда, готовы взяться за это дело? – воскликнула леди Бикл. – О, скажите, что готовы. Полиция прекратила расследование – у них уже есть своя обвиняемая. Как ни мелодраматично это звучит, вы – единственный человек, который может спасти Лиззи Уоррел от виселицы.

– Ну, раз уж вы так ставите вопрос, – с улыбкой сказала леди Хардкасл.

– Само собой, мы покроем все ваши расходы. Денег у ЖСПС немного, но, если будет нужно, я заплачу вам из своих средств.

Прежде чем ответить, леди Хардкасл вопросительно взглянула на меня, и я чуть заметно кивнула.

– Хорошо, мы займемся этим делом, – заключила она. И не будем больше говорить о деньгах. Считайте это нашим вкладом в дело борьбы за права женщин.

– О, спасибо, – сказала леди Бикл. – Огромное вам спасибо. Остальные девушки будут так рады. Вы просто должны пойти со мной и познакомиться с ними. У вас назначены еще какие-то встречи? Вы можете пойти сейчас в наше отделение? Оно располагается в магазине.

– Мы весь день свободны. Это далеко?

– Буквально в двух шагах. Я велю Уильямсу принести наши пальто.

Она подошла к шнуру звонка, висящему рядом с камином, и позвонила своему дворецкому.

Когда леди Бикл сказала: «буквально в двух шагах», я сразу же представила себе двадцать минут пешего пути со множеством поворотов, во время которого я стану обдумывать текст моей будущей лекции о том, как правильно использовать слово «буквально».

К счастью, вслух я ничего не сказала.

Выйдя из двери, мы пошли направо, спустились по лестнице, после чего повернули налево, в сторону Беркли-сквер. Пройдя мимо нашего маленького «ровера», мы двинулись туда, откуда приехали, то есть в сторону Квинз-роуд. Пройдя по этой улице, мы впервые завернули за настоящий угол. Направо. Прошли магазин часов фирмы «Гамильтон». Впереди было видно здание станции Большой Западной железной дороги, за которой виднелся магазин, принадлежащий некой Флоренс Гриффитс. Какое великолепное имя.

– Вот мы и пришли, – бодро сказала леди Бикл. – Дом номер тридцать семь. Штаб-квартира нашего отделения.

Так оно и было. В окне здесь красовались плакаты с лозунгом «Право голоса – женщинам», украшенные лентами цветов ЖСПС: зелеными, белыми и фиолетовыми. Это определенно была штаб-квартира бристольского отделения ЖСПС, и она в самом деле находилась «буквально в двух шагах».

– Входите, и я познакомлю вас с девушками, – сказала ле-

ди Бикл.

И мы вошли вслед за ней.

Перед нами был небольшой магазин с расположенным в задней части помещения прилавком, за которым виднелась дверь, ведущая к неведомым тайнам и утехам. Стены были уставлены стеллажами, на коих были сложены печатные материалы ЖСПС: брошюры, листовки и небольшие плакаты. На газетной стойке лежали выпуски газеты суфражеток «Право голоса – женщинам». Сбоку от прилавка стоял портновский манекен, облаченный в традиционное для союза белое платье, украшенное бело-зелено-фиолетовым кушаком, а также значками и лентами тех же цветов. Рядом были выставлены кушаки, шарфы и броши таких же цветов, что и на манекене, а также, к некоторому моему удивлению, небольшая табличка, гласящая, что покупательницы могут «спрашивать у прилавка о подвязках и нижнем белье».

Когда мы вошли, женщина, стоящая за прилавком, посмотрела на нас и вышла из-за него, дабы поприветствовать нас. С ног до головы одетая в белое, она была не так пугающе красива, как леди Бикл, хотя я к своему удовольствию отметила про себя, что у нее гораздо более сообразный рост. Правда, наружность ее была столь непримечательна, что взгляд скользил по ней, не останавливаясь и невольно переключаясь на что-то, представляющее больший интерес. Одета она была так, словно участвовала в манифестации суфражеток. Даже ее ботинки были белого цвета, и на них

красовалась изящная вышивка в виде орнамента из маргариток. Выглядели они как нельзя более подобающе и являли собой наиболее интересную часть ее обличья.

Когда она увидела нас, по ее лицу скользнула мимолетная улыбка.

– Джорджи! – воскликнула она. – Мы тут гадали, когда ты зайдешь. Это они?

– Да, они, – ответила леди Бикл. – Леди Хардкасл, позвольте представить вам Беатрис Челленджер, управляющую нашим скромным магазином и настоящую молодчину. Битти, это Эмили, леди Хардкасл.

– Здравствуйте. Рада знакомству, – хором сказали они обе.

– Мисс Армстронг, позвольте... О, полно, все это звучит так глупо и так официально. Флоренс Армстронг, Битти Челленджер. Мисс Армстронг камеристка леди Хардкасл и ее правая рука.

Мы произнесли слова приветствия, причем тоже хором.

– А где Марисоль? – осведомилась леди Бикл.

– Она наверху, распекает наших делопроизводительниц, – ответила мисс Челленджер.

– Марисоль Рохас наша чилийская смутьянка, – объяснила леди Бикл. – В каждой организации должен быть свой баламут. Она очень организованна и великая мастерица по части делопроизводства, но вспыхивает, как спичка; никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так вспылчив, как она.

Нет, она душка, но, похоже, наш мир и все, что в нем есть, вызывает у нее ужасную досаду. Давайте поднимемся, и я вас познакомлю.

Она повернулась, дабы провести нас через дверь, находящуюся за прилавком, но стоило ей взяться за дверную ручку, как кто-то вырвал эту ручку из ее руки и распахнул дверь с той стороны. На пороге стояла смуглая черноволосая дама с сердитой гримасой на лице. Увидев нас, она резко остановилась.

– О, простите, – сказала она с сильным испанским акцентом. – Я не знала, что у нас гости.

– Прошу вас, не обращайтесь на нас внимания, – ответствовала леди Хардкасл по-испански. – Мы ваши друзья. Мы пришли, чтобы доказать невиновность Лиззи Уоррел.

– Ах, вот оно что, – отозвалась невысокая чилийка и перешла на свой родной язык. – Стало быть, вы леди Хардкасл. Джорджи говорила, что собирается попросить вас помочь. Я Марисоль Рохас. Спасибо, что пришли. Для бедной Лиззи любая помощь будет нелишней.

– Я не могу ничего обещать, но мы сделаем все, что в наших силах.

– Вы очень хорошо говорите по-испански, – похвалила ее Марисоль.

– Стараюсь, – сказала леди Хардкасл, вновь перейдя на английский.

– Нам придется остерегаться вас, если вы будете целыми

днями болтать по-иностранному, – ввернула мисс Челленджер.

Леди Хардкасл нахмурилась, но ничего не сказала.

– Я впечатлена, – заметила леди Бикл. – Я довольно сносно говорю по-французски, но у меня не было возможности выучить какие-то другие иностранные языки. Вы знаете много языков?

– Да так, один или два, – ответила леди Хардкасл. – От этого никуда не денешься, если ты жена дипломата.

– Готова поспорить, что вы просто скромничаете. Мисс Армстронг, я права?

– В какой-то мере, да. Насколько мне известно, она может достойно вести беседу на французском, испанском, немецком, итальянском, на мандаринском диалекте китайского языка, на хинди... и на латыни.

– И на древнегреческом, – добавила леди Хардкасл.

– Про него я забыла.

– И на шанхайском диалекте.

– Ах да, и на нем. А еще вы можете неплохо изъясняться по-венгерски и на сербскохорватском.

– Кода мы с мужем жили в Москве, я научилась немного объясняться и по-русски.

– Она крепче и грознее, чем кажется, – подытожила я.

Мисс Челленджер и сеньорита Рохас растерянно хлопали глазами, леди Бикл же усмехнулась.

– Забавно, – сказала она. – Теперь вы впечатляете меня

еще больше. Столько языков – да вы просто полиглот.

– Не забудьте и про Армстронг – она тоже не лишена дарований, – сказала леди Хардкасл. – Список иностранных языков, которые знает она, столь же внушительен, к тому же она может говорить еще и по-валлийски. Во всяком случае, я думаю, что может. Вдруг она так просто прочищает горло.

Я перешла на прекрасный язык бардов, дабы цветисто выразить свое крайне возмущенное мнение о сей напраслине на родное наречие моей матушки.

– Вот видите? – спросила леди Хардкасл. – Сейчас она либо сказала нечто ужасающе грубое, либо у нее легкий бронхит. Должна сказать, что лично я бы поставила на грубость, однако никогда нельзя быть уверенной до конца.

– Вы слишком хорошо меня знаете, – согласилась я.

Мисс Челленджер продолжала взирать на нас с легким неодобрением на лице.

– Означает ли ваш визит, что вы согласились нам помочь, миледи? – спросила она.

– Во всяком случае, мы постараемся это сделать, – отвечала леди Хардкасл. – Боюсь, пресса, возможно, слегка преувеличила нашу репутацию по части сыска, но мы сделаем все, что в наших силах, не так ли, Армстронг?

– Непременно, – подтвердила я. – А мисс Уоррел тоже работает в этом магазине?

– Да, – сказала мисс Челленджер. – Мы открыты шесть дней в неделю – хотя по средам мы, разумеется, работаем

только полдня¹⁹. Мы стараемся делать так, чтобы здесь нас всегда было двое, так что нам троим – Лиззи, Марисоль и мне – удастся не прекращать работу штаб-квартиры и магазина и все же выкраивать время для остальных дел нашего союза.

– Без мисс Уоррел вам придется нелегко, – предположила леди Хардкасл. – А остальные члены организации не могли бы вам помочь?

– В этом-то и состоит загвоздка, если речь идет о добровольной организации вроде ЖСПС, – объяснила леди Бикл. – Почти у каждой из нас есть и другие обязательства. Нам крупно повезло, что четверем из нас до сих пор удавалось уделять нашей штаб-квартире так много времени. Само собой, я буду помогать здесь по несколько часов, когда смогу. Одному-двум скучным комитетам придется обойтись без меня, и, вероятно, в четверг на партии в бридж у леди Хупер будет не хватать одного игрока, но есть и более важные вещи. Например, то, чем мы занимаемся здесь.

– Вы думаете, вам удастся вернуть нам Лиззи? – спросила мисс Челленджер.

– Я, право же, не могу давать обещаний, – ответила леди Хардкасл. – Но наша репутация, по поводу которой я только что выразилась немного пренебрежительно, все же сможет открыть перед нами несколько дверей. Так, в уголовном

¹⁹ Частично сохранившаяся и до наших дней традиция в работе английских магазинов, особенно некрупных.

розыске Бристоля у нас имеется хороший друг. Думаю, инспектор Сандерленд сможет нам помочь.

– Я бы не поставила жизнь Лиззи на такую слабую карту, – сказала мисс Челленджер. – Полиция считает, что у них и так достаточно улик, и там нам прямо сказали, что они не собираются тратить свои силы, чтобы искать кого-то еще.

– Возможно, – согласилась леди Хардкасл, – но попытка не пытка. Сандерленд не такой ретроград, как обычный средний полицейский сыскарь. К тому же у нас есть кое-кто и в «Бристольских известиях».

– В самом деле? – удивилась я. – Уж не имеете ли вы в виду...

– Да, Дину Коудл. – Она обратилась к остальным: – В прошлом году, занимаясь всей этой историей с живыми картинами, мы познакомились с одной довольно нелицеприятной журналисткой²⁰. Нет, скажи я, что мы с ней друзья, я бы солгала...

Я вскинула брови – я бы солгала, если бы сказала, что мне не хочется дать Дине хорошую затрещину.

– ... Но, думаю, честолюбивая молодая леди ее сорта не упустила бы шанса опубликовать что-то вроде «Полиция села в лужу, но «Бристольские известия» выяснили правду». К ней просто нужно найти правильный подход.

– Что ж, мы ужасно благодарны за все, что вы, как вы считаете, возможно, сможете сделать, – сказала леди Бикл. –

²⁰ Отсылка к событиям романа Кинси «Картина убийства».

Кстати, не хотите ли еще чаю?

– Спасибо, – ответила леди Хардкасл, – но я бы предпочла начать работу немедленно. Куй железо пока горячо и все такое. Каждый день, который бедная Лиззи Уоррел проводит в тюрьме, – это еще один потерянный день ее драгоценной жизни. У вас тут случайно не найдется телефона? Если вы позволите мне протелефонировать инспектору Сандерленду, возможно, нам удастся сразу же нанести ему визит.

Леди Бикл провела леди Хардкасл через таинственную дверь, а я улыбнулась мисс Челленджер и спросила ее о «нижнем белье».

Глава 3

На наше счастье оказалось, что инспектор Сандерленд сейчас «дома и принимает посетителей», как выразилась леди Хардкасл. И мы, заверив наших новых подруг-суфражеток в том, что делом Лиззи Уоррел мы будем заниматься столь же ревностно, как всеми предыдущими, возвратились в дом леди Бикл, дабы вновь облачиться в нашу экипировку для поездок и сесть в авто.

Была суббота, время обеда, и Парк-стрит кишела людьми, делающими покупки. Я осторожно вела наш маленький «ровер» вверх по крутому склону холма, лавируя между великого множества повозок и еще более многочисленного сонма беспечных пешеходов, не обращающих ни малейшего внимания на опасность, которую представлял наш мощный мотор. Его колеса не раз скользили в неизбежных последствиях доставки товаров в повозках на конной тяге, и здесь же тянулись трамвайные пути, также представлявшие немалую опасность, хотя и неорганического происхождения. Правда, рельсы хотя бы могли указать путь к Центральному трамвайному депо и Плавучей гавани, в которой благодаря шлюзам уровень воды не зависит от приливов и отливов, а оттуда было уже рукой подать до Центрального полицейского участка, известного также как Брайдуэлл. Я припарковала мотор как можно ближе к его входу, после чего мы

сошли на тротуар и попытались придать себе презентабельный вид.

Прежде я бывала в Брайдуэлле всего несколько раз, и, хотя в конечном счете наши визиты туда неизменно приводили нас к веселому и компанейскому инспектору Сандерленду, характер моих воспоминаний об этом месте был не вполне позитивен. Прежде чем получить доступ к нашему доброму другу и его коллегам из Уголовного розыска, нам всякий раз приходилось выдерживать непростые испытания, которые нам устраивал привратник в лице дежурного сержанта. В каждый мой визит в сей участок в нем дежурил один из самых что ни на есть неприятных полицейских сержантов, коих я имела счастье встречать за всю мою жизнь, в которой было множество полицейских сержантов. Входя в здание через широкие и высокие парадные двери, я поймала себя на том, что надеюсь, что нынче дежурит не он.

Но он, разумеется, был тут. Он сидел за столом полускрытый стойкой и что-то писал в большой конторской книге, при виде его у меня упало сердце. С виду он был типичный бодрый мужчина средних лет – дородный, с гусиными лапками в уголках глаз и внушительной густой бородой, в которой наверняка гнездятся малые пташки и прелестные лесные зверушки. Однако за этой на первый взгляд жизнерадостной наружностью скрывалась натура грубая, докучная, не питающая любви к ближним и, главное, свое удовольствие черпающая в том, чтобы чинить им всякого рода помехи по мере

возможностей и сил.

Нас он подчеркнуто игнорировал.

На стойке имелся колокольчик, и леди Хардкасл позвонила в него.

Сержант оторвал взгляд от своей конторской книги, затем вернулся к своему многозначительному занятию, состоящему в том, чтобы продолжать игнорировать нас.

Леди Хардкасл прочистила горло.

Он покачал головой.

– Послушайте, сержант, – сказала она.

Он нехотя поднял взгляд.

– Я имею все основания полагать, – продолжила она, – что мы с вами могли бы играть в эту игру весьма долго, однако, в конце концов, одного из нас она наверняка утомит. Лично я ставлю на себя. Не могли бы вы сказать инспектору Сандерленду, что леди Хардкасл уже здесь?

– А эта леди Хардкасл договорилась о встрече?

– Разумеется. Она протелефонировала инспектору Сандерленду некоторое время назад.

– Понятно. И кто вы такая?

– Я и есть она.

– Она – это кто?

– О, ради бога! – Она повернулась ко мне. – Ты уже бывала в его кабинете. Ты помнишь, как туда идти?

– Конечно, миледи, – ответствовала я.

– Тогда вперед, Армстронг, веди меня к нему.

Я повернулась к открытым распашным дверям, виднеющимся справа, которые, как мне было известно, вели к лестнице и кабинетам, находящимся наверху.

– Как это понимать? – спросил сержант, встав наконец из-за своего стола. – Куда это вы собрались?

– Воскресите в памяти наш разговор, сержант, и думаю, вы сумеете разгадать его смысл.

Мы продолжали приближаться к дверям.

– Должен вас предупредить, что, если вы сделаете хотя бы еще один шаг в сторону лестницы, я арестую вас за злоумышленное посягательство на собственность полиции.

Мы остановились и насмешливо переглянулись. Зазвонил телефон, висящий на стене рядом со столом. Сержант взял трубку.

– Дежурный сержант, – сказал он. – Да... Да, сэр... Она уже здесь, сэр... Пару минут назад, сэр... Я как раз собирался... Так точно, сэр... Извините, сэр.

Он повесил трубку на рычаг.

– Инспектор ожидает вас, – сказал он, садясь. – Он говорит, что вы знаете путь в его кабинет.

Мы уже успели пройти за двери и начать подниматься по лестнице.

– Спасибо за помощь, сержант, – крикнула леди Хардкасл, оглянувшись через плечо.

Стандартный полицейский стол инспектора Сандерленда был сплошь завален папками из желтой бумаги и соседствующими с ними пачками бумаг, перевязанных бечевкой или лентой. На особенно толстой стопке документов стояла выдавшая виды чашка чая с отбитыми краями, полупустая и грозящая упасть. Надо думать, это была стандартная полицейская чашка.

Инспектор Сандерленд сидел на обшарпанном стуле – наверняка это был стандартный полицейский стул. Покров сего стула состоял из потертой и потрескавшейся кожаной обивки, а покровы инспектора – из аккуратно вычищенного и выглаженного шерстяного костюма. Сжимая в зубах как всегда незажженную вересковую трубку, он как раз дописывал какую-то бумагу, лежащую в папке.

Положив трубку на единственное не заваленное бумагами место на столе, он встал, чтобы поприветствовать нас. Еще один дылда.

– Леди Хардкасл, – с улыбкой сказал он. – И мисс Армстронг. Как чудесно видеть вас обеих.

Он пожал нам руки.

– Как поживаете, мой дорогой инспектор? – осведомилась леди Хардкасл. – Надеюсь, мы не оторвали вас от срочной работы?

– Вовсе нет. Все эти груды бумаг относятся к одному и тому же делу. Вы можете этому поверить? Где-то в этих на первый взгляд непроходимых бумажных джунглях таятся улики, которые необходимы нам для того, чтобы добиться справедливого приговора для одного мерзкого человечка, виновного в мошенничестве, хищении и убийстве. Мне нужно только отыскать все фрагменты головоломки.

– Силы небесные, – проговорила моя хозяйка. – Что ж, мы не станем слишком долго отрывать вас от ваших трудов, но, если вы сможете уделить нам несколько минут, я буду признательна вам за помощь.

– Для вас, миледи, все что угодно. Хотите чаю? Где-то наверх заваривают чайник как раз сейчас. Полицейские не могут без чая.

– Если это не очень вас затруднит, то чашка чая была бы очень кстати.

– Какое там затруднит – для этого у меня есть подчиненные. Таково одно из преимуществ звания инспектора. Извините, я на секунду. – Подойдя к двери, он крикнул: – Смит! Чаю на троих. Принесите в мой кабинет.

Из коридора до нас донеслось еле слышное: «Да, сэр».

– Вот видите, – подытожил инспектор. – Меня это несколько не затрудняет.

Он немного посуетился, очищая от бумаг два стула и складывая все на линолеумный пол.

– Прошу вас, садитесь, – сказал он.

– Благодарю вас, – отозвалась леди Хардкасл. – Прежде я еще не была в вашей обители. Тут уютно.

– Пусть кабинет и обстановка и невзрачны, миледи, зато они мои. А если меня повысят до звания старшего инспектора, у меня даже будет ковер.

– Хорошо, что у вас, так сказать, есть к чему стремиться.

Прибыл чай. Похоже, все чашки в участке имеют отбитые края, подумала я.

После того как констебль Смит удалился, унеся полупустую чашку с остывшим чаем и закрыв за собой дверь, инспектор Сандерленд откинулся на спинку стула и снова принялся задумчиво грызть свою трубку.

– Итак, дамы, – начал он, – что я могу для вас сделать?

– Что вам известно о поджоге на Томас-стрит? – спросила леди Хардкасл.

– О нем говорили на инструктажах. Это дело расследовал один из моих коллег, но я знаю его детали. А почему оно вызвало у вас интерес?

– Нас попросили расследовать его.

– В самом деле? – медленно протянул он. – И кто же вас попросил?

– Коллеги Лиззи Уоррел из ЖСПС. Они уверены, что она невиновна.

– Понятно. И вы им верите?

– Да, я склонна толковать сомнения в их пользу. Доказательства того, что она невиновна... если честно, таковые

практически отсутствуют, но суфражетки убедили меня в маловероятности ее вины. А обвинение против нее в лучшем случае основано на косвенных уликах.

– В этом я с вами согласен, – сказал инспектор. – Разбросать на улице листовки суфражеток мог кто угодно. Владелец магазина был известен как антисуфражист – в своей витрине он поместил плакат, в котором извещал о проведении собрания Мужской лиги против избирательных прав женщин, – так что любой, кто по какой-то причине имел на него зуб, мог сжечь его магазин, свалить вину на суфражеток, и никто бы и глазом не моргнул. Даже так называемая подписанная записка представляет собой текст, состоящий из печатных заглавных букв и по сути дела не доказывает ничего, ровным счетом ничего. Все вместе это составляет не более чем видимость доказательств вины, и любой мало-мальски приличный барристер мог бы без труда заронить разумное сомнение в виновности своей подзащитной в умы разумной же коллегии присяжных.

– А инспектор, проводивший расследование этого дела, придерживается таких же взглядов, что и вы?

– У него, разумеется, есть свои сомнения – ведь он умный и добросовестный полицейский, но ему сказали не тратить времени на дальнейшее расследование. По мнению начальства, у нас уже есть убийца и надо расследовать другие преступления. Что до меня, то я невысоко оцениваю шансы мисс Уоррел на то, что присяжные, которые будут рассматривать

ее дело, окажутся разумными и непредвзятыми. Только не в наше время – ведь страна расколота. Более того, я боюсь, что коллегия, состоящая из антисуфражистов, будет склонна вынести вердикт «виновна» на основании даже самых шатких косвенных улик, а подобрать коллегияю присяжных среди антисуфражистов совсем нетрудно.

– Думаю, как раз это и беспокоит членов ЖСПС.

– А что именно они попросили вас предпринять?

– Они хотят, чтобы мы нашли того, кто на самом деле поджег магазин и убил мистера Бейкерсфилда.

– Брукфилда, миледи, – поправила я.

– Вот именно.

– Понятно, – сказал инспектор. – Что ж, вы, конечно же, понимаете, что официально я не могу ничего предпринять. В том, что касается целей суфражеток, полиция настроена, скажем так, критически. К тому же мое начальство уверено, что преступницу мы поймали, а потому мне нужно действовать с умом. Но я не могу не признать, что разделяю ваши сомнения, и у меня есть свои источники, так что в конфиденциальном порядке я готов оказать вам любую помощь – вам будет достаточно просто протелефонировать. Правда, наверное, будет лучше, если вы станете телефонировать мне домой.

Он записал номер своего домашнего телефона на обороте одной из своих официальных визиток и вручил ее леди Хардкасл.

– Вы очень добры, – сказала она и положила визитку в свою сумочку. – Мы вовсе не хотим, чтобы из-за нас у вас возникли проблемы с начальством.

– Чем меньше оно знает, тем лучше спит, – ответил на это инспектор. – Многого я сделать не смогу – это бы только причинило нам всем еще большие неприятности, но сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, инспектор. Можете быть уверены, мы будем держать язык за зубами.

Остальная часть нашего визита в Брайдуэлл прошла за более приятной беседой, за которой мы и выпили наш чай. Мы еще раз приняли расплывчатое приглашение инспектора: «Заезжайте к нам на ужин как-нибудь вечером – миссис Сандерленд будет счастлива с вами познакомиться», после чего распрощались. Сержант Окладистая Борода даже не поднял глаз.

Мы поехали обратно в Клифтон и припарковались на Риджент-стрит, чтобы леди Хардкасл смогла «быстро пройтись по магазинам, прежде чем мы направимся домой».

Это «быстро пройтись по магазинам» продлилось два часа. Мы почтили нашим присутствием ее любимых портниху, шляпницу и сапожника, и она сделала несколько заказов. Но больше всего моя хозяйка ахала в последнем магазинчике, в который мы зашли незадолго до пяти часов. Это была кондитерская, и леди Хардкасл выжала из ее бедного хозяина все соки, прося его снимать с полок все новые и новые банки

с конфетами, дабы потешить свою слабость к сладостям. Время шло, и, когда «еще один вид конфет, только один» превратился в десять, хозяин кондитерской устремил на меня умоляющий взгляд. Уверена, он был рад заработать побольше, но было яснее ясного, что ему хочется поскорее отправиться домой и отдохнуть после загруженной рабочей недели. Он положил в еще один бумажный пакет – как он надеялся, последний – четверть фунта мятных тянучек, и я с соблюдением мер предосторожности повела леди Хардкасл к двери, не дав ей попросить показать анисовые драже, которые она углядела только сейчас. Хозяин посмотрел на меня со слабым подобием улыбки, и мы оставили его закрывать магазин.

– Хочешь лакричную пастилку? – спросила моя хозяйка, протянув мне один из многочисленных пакетов с конфетами, которые она теперь была вынуждена нести.

Я взяла конфету, и мы продолжили путь.

– Моя матушка была против конфет, – сказала она. – Помню, она говаривала: «Они испортят твои зубы и сделают тебя толстой, Эмили».

– И была права, – заметила я.

– Возможно, но все хорошо в меру.

Я многозначительно посмотрела на большой пакет, полный маленьких пакетов, и подняла брови.

– Должно быть, здесь почти пять фунтов²¹ конфет, – ска-

²¹ 2 кг с четвертью.

зала я.

– Должно быть, – согласилась она, – и ты предоставила мне нести их все в одиночку.

– После поедания всех этих конфет физическая нагрузка пойдет вам только на пользу.

– Наверняка. Хочешь ячменного сахара?

– Спасибо, миледи, нет.

Дойдя до автомотора, мы принялись надевать нашу дорожную экипировку, готовясь проделать путь домой.

– Я поняла, почему с таким аппетитом уплетаю конфеты, – объявила леди Хардкасл. – Мы с тобой не обедали.

– На это у нас не было времени, – объяснила я. – К тому же я отнюдь не уверена, что смогла бы много съесть после того, как леди Бикл угостила нас таким количеством сэндвичей и пирожных.

– Уверена, что и я бы не смогла. Но с тех пор прошло уже шесть часов, и я умираю с голоду. Может быть, зайдем в какой-нибудь хороший небольшой ресторан?

– Уверена, что нам будет из чего выбрать, – сказала я. – Ведь мы все-таки в Клифтоне.

– Вот именно, вот именно, – задумчиво протянула она. – Кажется, мы проходили мимо магазина, продающего жареную рыбу с хрустящей картошкой²²?

– Когда? – осведомилась я.

²² Фиш-энд-чипс – национальное британское блюдо, самая популярная уличная еда в стране.

– По дороге в участок. Или на обратном пути. Такое здание в стиле поздней английской готики неподалеку от ратуши.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Стало быть, вам хочется рыбы с картошкой?

– И еще как! – с жаром воскликнула она. – Я не ела их уже целую вечность. Мы можем поесть из бумажных кульков прямо в автомоторе. Знаешь, когда я была девочкой, мы раз или два лакомились этим блюдом. Матушка запрещала мне есть его на улице. По ее настоянию мы относили это домой и выкладывали на фарфоровые тарелки.

– Чем больше я узнаю о вашей матушке, тем больше она мне нравится, – сказала я, вставляя заводную ручку в гнездо. – Никаких конфет и никакой еды на улице. Хорошо бы побольше людей следовали ее примеру.

– Не мели чушь, мелкая ты валлийская ворчунья. Вечно ты со своими пуританскими придирками. Мы полакомимся жареной рыбой с картошкой, сидя в моторе, а на десерт у нас будут ириски и сливочные помадки. Сей же час же вези меня в магазин, продающий рыбу с картошкой.

Мы нашли этот магазин в фахверковой²³ постройке в конце улицы Крисмас-Степс, именно там, где и говорила леди Хардкасл. И по ее требованию съели жареного в кляре хека с картошкой прямо из свернутых из газеты кульков, сидя в авто на улице Льюинз-Мид. И должна признаться, что это

²³ Кирпичная на деревянном каркасе.

была одна из лучших трапез в моей жизни.

* * *

К тому времени, когда мы приехали домой, Эдна и мисс Джонс уже ушли. Пока леди Хардкасл припрятывала свою увесистую сладкую добычу у себя в кабинете, я принялась заново затапливать камин и ставить на поднос бренди, крекеры и сыр.

Она позвала меня из своего кабинета.

– Думаю, нам понадобится доска расследований, – сказала она. – Будь душкой и принеси ее, пожалуйста, с чердака. И установи в гостиной.

Я поставила поднос и побрела на чердак за большой аспидной доской и мольбертом, на который ее надо будет установить. Эту конструкцию леди Хардкасл и называла своей «доской расследований». Учась в университете, она привыкла делиться своими наработками с однокашниками, используя аспидные доски, и работа с такой доской стала ее любимым способом разгадывания всяких загадок.

Когда доска была водружена на мольберт и мы устроились в наших удобных креслах с бренди и сыром, леди Хардкасл схематично набросала сгоревший магазин на Томас-стрит, покойного мистера Кристиана Брукфилда и подозреваемую Лиззи Уоррел. Со временем, узнав побольше о пока что не известных нам местах и людях, как-то связанных с этим де-

лом, она заменит эти наброски более точными, но сейчас она приколотла их к доске и начала делать заметки.

– Мы не знаем, была ли смерть мистера Брукфилда целью поджигателя или всего лишь трагической случайностью, – заметила я.

– Ты права, – согласилась моя хозяйка, записав это на доске. – Его смерть считается убийством, поскольку она была причинена в процессе совершения другого тяжкого преступления. Поскольку Брукфилд погиб в результате пожара, а причиной пожара стал поджог, это квалифицируется как предумышленное убийство независимо от того, имелся ли у поджигателя умысел лишить его жизни. Из всего слышанного нами на настоящий момент у меня складывается впечатление, что никому и в голову не приходит, что у преступника был умысел кого-то убить. Они все воспринимают как данность версию о том, что дело как-то связано с движением суфражеток, и исходят из предположения о том, что смерть Брукфилда есть трагическая случайность. Но что, если кто-то поджег дом, зная, что он спит наверху?

– А у Лиззи Уоррел был мотив убить его?

– Надо будет копнуть поглубже и выяснить этот момент.

– Возможно, в этом направлении и нужно копать, – предположила я. – Если мы найдем того, кто, и вправду, хотел ужокошить его, это и будет наш настоящий поджигатель.

– Наш настоящий убийца, – уточнила она, сделав еще одну запись. – А какие еще вопросы нам нужно задать?

– Поступило ли сообщение о пожаре в пожарную часть? Когда? От кого? Выезжала ли на место пожарная команда? Имеются ли свидетели? Опрашивали ли их? Были ли...

– Не гони лошадей, дорогуша, – сказала леди Хардкасл, торопливо записывая все на доске. – Дай за тобой угнаться.

Я дала ей время закончить делать заметки.

– Нам надо будет задать инспектору Сандерленду немало вопросов, – заключила она. – Вероятно, мне надо будет принять его предложение об оказании нам конфиденциального содействия уже в самое ближайшее время. Как ты думаешь, что они с миссис Сандерленд делают по воскресеньям? Как полагаешь, будет ли невежливостью телефонировать им?

– Дайте им возможность пообедать, – сказала я. – Может быть, отложим этот разговор до второй половины дня? Ведь инспектор все равно не сможет ничего предпринять до понедельника, когда он явится на работу.

– И то. Кстати, ты лучше меня подмечаешь всякие детали, касающиеся газет. Так не помнишь ли ты, о чем именно писал мистер Бедингфилд...

– Брукфилд, миледи, – опять поправила ее я.

– ... о чем именно писал мистер Брукфилд? Не появлялась ли его подпись под некоторыми из тех острых статей, которые я, возможно, просто пробежала глазами, не вникая в детали?

– Нет, его имя ничего мне не говорит, – ответила я. – Быть может, нам о нем сможет рассказать мисс Коудл.

– Да, знакомство с нею может оказаться довольно полезным. Право же, жаль, что я нахожу ее столь...

– Заносчивой? – подсказала я. – Беспардонной? Наглой? Она рассмеялась.

– Я собиралась сказать «невыносимой». Да, к ней применимы все перечисленные тобой эпитеты, но она чертовски хорошо знает свое дело. И думаю, будет лучше, если она будет работать с нами, а не против нас. Полагаю, нам удастся достичь какой-то договоренности.

– Вам, а не мне, – уточнила я.

– Что ж, я собираюсь хотя бы попытаться. Если я не сумею перетянуть ее на нашу сторону с помощью слов, ты можешь отвести ее в какой-нибудь переулочек и проделать с ней те самые уму непостижимые вещи, которые проделываешь с нашими противниками в переулках.

– Не искушайте меня, – сказала я.

– Думаю, тебе нужно смягчить свое свирепство, – со смехом предложила она. – А ключ к смягчению души – это музыка. Сходи за своим банджо. Я с удовольствием предвкушаю что-нибудь в стиле рэгтайм²⁴.

* * *

Получив новое дело, которое нужно было распутать, мы

²⁴ Жанр танцевальной музыки со свободным «рваным» ритмом, один из предшественников джаза.

ощутили прилив энергии, и утро воскресенья прошло в водовороте дел. Завтрак был приготовлен, подан и съеден за рекордно короткое время, после чего леди Хардкасл сразу же удалилась в кабинет, дабы разобраться с корреспонденцией и приготовить свой разум к предстоящим подвигам и трудам. Я почти уверена, что речь шла о чем-то наподобие «кровь разожгите, напрягите мышцы» и даже о чем-то вроде «трупам своих всю брешь завалим»²⁵... должна признаться, что, когда она принимается цитировать «Генриха V», мои мысли начинают блуждать.

Я отчищала с наших дорожных пальто пыль и грязь дорог графства Глостершир, когда около десяти часов зазвонил телефон.

– Алло, – сказала я. – Чиппинг-Бевингтон, двадцать три.

– Алло? – зазвучал в трубке знакомый голос. – Армстронг? Это вы? Готова поспорить, что на сей раз я правильно назвала вашу фамилию.

– Доброе утро, леди Фарли-Страуд, – поздоровалась я. – Да, правильно.

Чета Фарли-Страудов, принадлежавшая к местному «высшему обществу», подружилась с нами с самого нашего приезда. Вернее, после нашего приезда они подружились с леди Хардкасл. Можно сказать, что к тому, чтобы принять в качестве члена нашей «команды» и меня, они пришли не сразу, однако теперь между ними и мной уже царил обоюдная

²⁵ У. Шекспир. «Генрих V», акт 3, сцена 1 (пер. Е. Бируковой).

приянь.

– Мы вызывали телефонного мастера, и он сотворил с нашим аппаратом настоящее чудо. Не знаю, что именно он сделал, но теперь я слышу все так ясно. Интересно, не может ли он проделать то же самое и с моими ушами, а?

– Думаю, нечто в этом духе не помешало бы нам всем, – сказала я. – Иногда бывает нужно что-то подправить то здесь, то там. Хотите, я позову к телефону леди Хардкасл?

– Нет, дорогая, об этом можете не беспокоиться, просто позвоните к телефону леди Хардкасл, хорошо?

Я улыбнулась и положила трубку на стол.

– Вас просит к телефону леди Фарли-Страуд, – сообщила я после того, как она передвинула кипу бумаг, которая загромождала проход, и я смогла войти в кабинет.

– О, замечательно. А она сказала, что ей нужно?

– Нет, – ответила я. – Я решила не спрашивать. Мне было нелегко даже просто подвести ее к тому, чтобы она попросила позвать вас к аппарату, не говоря уже о том, чтобы спрашивать о подробностях.

– Не переживай. Послушай, ты не могла бы... немного прибраться здесь, а? Боюсь, я немного увлеклась, и все это вышло из-под контроля.

У леди Хардкасл самый острый ум, который мне когда-либо доводилось встречать, она очаровательная, веселая, и лучшей компании, чем она, не сыскать. Однако ее можно смело поставить на одно из первых мест в списке самых неак-

куратных людей на свете. Она способна создать в комнате беспорядок даже тогда, когда кажется, что она не делает ничего.

– Должна признаться, мало что может доставить мне большее удовольствие, – сказала я. – Я уже несколько месяцев прошу вас дать мне возможность убрать этот бардак.

– Отлично. Ты тут начинай, а я пойду узнаю, что понадобилось Герти.

Я только-только начала разбирать первую кипу разрозненных бумаг, когда она вернулась.

– Извини, что порчу тебе удовольствие, дорогая, но я пригласила их на обед. Мне нужно, чтобы ты объяснила мисс Джонс, что обед следует готовить на четверых, если она может обойтись провизией, имеющейся в доме, а затем мне хотелось бы принарядиться. Мой вишневый костюм в порядке?

– Да, – отвечала я, – но белую блузку надо погладить. Она помялась, лежа в гардеробе.

– Если бы ты согласилась заняться всем этим, пока я быстренько приму ванну, было бы очень мило, – сказала она и удалилась.

* * *

– Придется мне похитить у тебя молодую Блодвен Джонс, душечка, – сказала леди Фарли-Страуд, поедая третью порцию запеченной картошки. – Нет, не пойми меня неверно,

миссис Браун чрезвычайно умелая кухарка, но эта твоя девушка просто творит чудеса. В ее руках даже скромная печеная картошка превращается в кулинарный шедевр.

– Тебе придется извинить мемсахиб²⁶, – подмигнув, начал пояснять сэръ Гектор. – Доктор посадил ее на новую диету, и она уже целую неделю питается вареной рыбой, бульоном и овощами, приготовленными на пару. Так что стоит ей дорваться до чего-то жареного или запеченного, и она готова часами расточать похвалы в адрес этих яств.

Леди Фарли-Страуд фыркнула.

– Терпеть это было бы куда легче, если бы ко мне присоединился и мой любимый муж.

– Он посадил на диету тебя, моя сладенькая пышка, а вовсе не меня. Не понимаю, с какой стати мне отказываться от сладких пудингов только потому, что к тебе прицепилась какая-то там легкая хворь. Однако, доложу я вам, она права. Я уже целую вечность не едал таких вкусных вещей. Как эта твоя кухарка умудряется придать такой вкус даже самой простой подливе?

– Она и в самом деле что-то вроде кудесницы, – согласилась леди Хардкасл. – Хотя я предпочитаю не вникать в процесс, чтобы, не дай бог, не испортить дело. Впрочем, думаю, даже если бы я и попыталась, то все равно не поняла бы, что к чему. Для меня кухня остается средоточием тайн и чудес. Вот Фло, напротив... Наша Фло вполне могла бы посорев-

²⁶ Индийское обращение к европейской женщине.

новаться с мисс Джонс. Уверена, что тебе дано постичь ее магические тайны.

– Вы мне льстите, – сказала я. – Но вы правы – я понимаю, что она делает. Должна признаться, что до большей части всего этого я сама не додумалась бы никогда, но стоит ей показать мне, что к чему, как начинает казаться, что только так и можно готовить то или иное блюдо.

Какое-то время все молча жевали, наслаждаясь едой.

– Довольно с нас пустой болтовни, – прервала молчание леди Хардкасл. – По телефону ты сказала мне, что у тебя есть важная новость. Был заклан упитанный телец, стол ломится от яств – и все, дабы я смогла услышать ее. Так что выкладывай, не томи.

– Считаю, что тебе повезло, раз она не вывалила на тебя все сразу, – заметил сэр Гектор.

Леди Фарли-Страуд улыбнулась почти детской улыбкой.

– Скоро я стану бабушкой, – сказала она. – Вчера утром я получила письмо от Клариссы.

– Надо же. – Леди Хардкасл подняла свой бокал. – Поздравляю. И тебя тоже, дедуля.

– Да, – присоединилась я. – Поздравляю вас обоих.

Мы чокнулись.

– Вот уж не думал, что это когда-нибудь произойдет, – признался сэр Гектор. – Не был уверен, что нашу дочь привлекут радости материнства. У этой девушки ветер в голове, так что я вообще не представлял, как она будет воспитывать

ребенка, но не могу делать вид, будто я не рад.

– Ему бы это не удалось, даже если бы он попытался, – сказала леди Фарли-Страуд. – Мы оба в восторге.

– Разумеется, – подвела итог леди Хардкасл.

В семье Фарли-Страуд Кларисса была единственным ребенком. Мы видели ее только один раз, на праздновании ее помолвки, но, когда эта помолвка закончилась катастрофой, она вернулась в Лондон, и больше мы ее не встречали. От ее родителей мы узнали, что она быстро вышла замуж за более достойного джентльмена – инженера Адама Уитмена.

– Спасибо, душечка, – сказала леди Фарли-Страуд. – Однако к нам она не приедет. Мы бы очень хотели, чтобы она родила своего ребенка дома, но молодой Адам работает сейчас с месье Блерио в окрестностях Бордо. Так что наш внук или внучка родится во Франции.

– Тот самый Луи Блерио? Авиатор? – спросила я. – В прошлом году мы читали о его перелете через Ла-Манш.

– Да, тот самый, – ответил сэръ Гектор. – Адам большой спец по всяким там конструкциям и материалам. Он помогает строить аэропланы.

– Как интересно, – сказала я, позабыв, что мы должны обсуждать деторождение, а не аэропланы.

– Когда? – осведомилась леди Хардкасл и тем самым не дала мне попасть в неловкое положение, в котором я бы оказалась, если бы продолжила задавать вопросы про фабрику, выпускающую аэропланы.

– Когда что, дорогая? – не поняла леди Фарли-Страуд. – Ах, да, ребенок. Он должен родиться в июле.

– Как чудесно. Вы поедете ее повидать?

– Само собой. Мы сядем на поезд, согласованный с расписанием пароходов, и отправимся на континент. Устроим себе отдых. Мы не бывали во Франции со времен нашей молодости. Помнишь, Гектор?

– Душа моя, разве я мог это забыть? Прекрасная еда, прекрасное вино и моя прекрасная молодая жена. Как можно не хранить столь драгоценные воспоминания вечно?

– О, Гектор, какую же ты несешь чепуху! Да еще и за столом. – Но в голосе леди Фарли-Страуд звучала улыбка, а глаза ее блестели. – Душечка, ты же не забыла о том, что в следующую субботу у нас запланирована пирушка? – спросила она леди Хардкасл.

– Конечно же, нет, дорогая, – отвечала та. – Я не только записала это в мой ежедневник, но твое приглашение еще и стоит у меня на видном месте на каминной полке как дополнительное напоминание. Мой лучший туалет уже полностью готов, и бальные туфельки начищены.

– Спасибо, душечка. Я собиралась устроить эту гулянку просто так, но теперь мы превратим ее в торжество по поводу радостной вести.

– Я ни за что его не пропущу. Ну, кто распорядится насчет десерта? Фло, дорогая, ты возьмешь на себя обязанности хозяйки? Право же, нам тут нужен звонок.

Я отправилась на кухню, чтобы попросить Эдну помочь убрать со стола грязные тарелки и передать мисс Джонс подать свой знаменитый *tarte Tatin aux poires*.²⁷

²⁷ Открытый грушевый пирог по рецепту сестер Татен (фр.).

Глава 4

Боевой настрой не покинул нас и на следующее утро, и мы спозаранку отправились обратно в Клифтон. Леди Хардкасл, как и собиралась, протелефонировала инспектору Сандерленду во второй половине дня в воскресенье, и они договорились тайно встретиться в кофейне недалеко от магазина ЖСПС в одиннадцать часов.

– А посему, – сказала она мне, поведав детали их разговора, – мы можем приступить к делу с утра пораньше и начать день с визита в этот магазин, служащий штаб-квартирой суфражеток. Предъявить им нам пока еще нечего, но мы можем хотя бы дать им знать, что уже приступили к работе.

И прохладным солнечным утром понедельника в полдесятого мы остановились перед магазином суфражеток и припарковали наш «ровер».

– Ты уверена, что тут ему ничего не грозит? – спросила леди Хардкасл, когда мы начали снимать с себя наши перчатки с крагами и защитные очки. – Он не покатится вниз? Ведь тут склон холма.

– Тормоз должен удерживать его на месте, – ответила я. – А если нет, вряд ли он докатится до Парк-стрит, по дороге он наверняка наедет на какое-нибудь препятствие, которое остановит его.

– Обнадежила, нечего сказать! Но тут все равно нет более

безопасного места, так что ничего не поделаешь, придется рискнуть.

Мы вошли в магазин и увидели, что за прилавком стоят сразу и Битти Челленджер, и леди Бикл. Они работали сообща: мисс Челленджер складывала листовки, а леди Бикл вкладывала их в конверты.

– Доброе утро, дамы, – поздоровалась леди Хардкасл. – Как дела?

Они оторвали глаза от работы.

– Эмили, дорогая, – сказала леди Бикл, – какая приятная встреча. Мы вас не ждали. – Она сделала паузу. – Или ждали?

– Нет, – успокоила ее леди Хардкасл – вы ничего не забыли, так что не беспокойтесь. Мы просто решили зайти.

– Ну, слава богу. Я отнюдь не такая беспамятная, как думает кое-кто, но не ровен час. Вообще-то я уверена, что запомнила бы, что сегодня вы нанесете нам визит, но в любом случае я рада, что у меня еще не зашел ум за разум. Во всяком случае, не совсем.

– Боюсь, настоящих новостей у нас нет. Во всяком случае, пока. Но я хотела, чтобы вы знали – наш друг в полиции предложил нам свою поддержку. Помогать нам в своем официальном качестве он не может, но он подтвердил то, что нам сообщили вы: полиция считает, что поймала поджигательницу, и расследование закрыто. И он не хочет нарушать конфиденциальность – он очень принципиальный человек и

предан службе. Но он не желает, чтобы творилась несправедливость, и по мере сил будет направлять нас на правильный путь.

– О, это хорошая новость, – сказала леди Бикл.

– По-моему, это классическая полицейская расхлябанность, – не согласилась с ней мисс Челленджер. – Они просто арестовывают первого попавшегося бедолагу, после чего начинают отдыхать. И делают вид, будто не замечают, как один из них якобы «помогает» своей приятельнице, но вся эта «помощь» сводится к тому, чтобы не допустить повторного открытия дела.

– Битти, душечка, думаю, ты не вполне справедлива, – возразила леди Бикл. – Похоже, этот инспектор...

– Сандерленд, – подсказала леди Хардкасл.

– ... этот инспектор Сандерленд делает это на свой страх и риск. А послушать тебя, так можно подумать, что они хотят просто замести следы.

– А разве тебе так не кажется? – спросила мисс Челленджер.

– Да полно тебе, – ответила леди Бикл. – Вы ручаетесь за моральные принципы этого инспектора, Эмили?

– Мы знаем его уже почти два года. Он прекрасный человек, – сказала леди Хардкасл.

– Вы сказали, что он предан службе, – заметила мисс Челленджер. – Думаете, он поставит право какой-то там суффражетки на справедливый суд выше репутации своей любимой

полицейской службы?

Как бы задать этой несносной Беатрис Челленджер хорошую трепку и обставить дело так, словно это вышло случайно? Я так и кипела, а леди Хардкасл продолжала хранить олимпийское спокойствие.

– Я готова лично поручиться за высокие моральные принципы инспектора Сандерленда и его непоколебимую веру в правосудие, – невозмутимо сказала она. – Он будет идти вместе с нами в наших поисках истины, куда бы ни вел нас этот путь, пусть даже он приведет к выводу о том, что полиция ошиблась и Лиззи Уоррел невиновна. Однако я должна вас предупредить, что Армстронг и я будем продолжать искать истину, даже если в результате обнаружим, что Лиззи Уоррел виновна. Мы приняли ваши слова на веру и исходим из того, что это не она подожгла магазин, но мы не станем скрывать правду, покрывая ту, кто виновата.

Мисс Челленджер уставилась на нас сердитым взглядом, леди Бикл принялась перебирать лежащие на прилавке конверты. Она уже собиралась заговорить, когда за нашими спинами зазвонил дверной колокольчик. Мы все повернули головы, чтобы посмотреть, кто спас нас от неловкого положения, и я немного растерялась, увидев, что это явилась как раз та особа, которая как нельзя лучше умеет приносить неловкость с собой. В маленький магазин вошла женщина, одетая в классический костюм, пошитый в дорогом ателье, и невероятно модную шляпку, с кожаной сумкой на плече.

– Доброе утро, дамы, – поздоровалась она. – Не могли бы вы... О-о.

– Не беспокойтесь, мисс Коудл, – сказала леди Хардкасл. – Мое присутствие часто вызывает такую реакцию. И такое выражение лица. Я уже с этим смирилась. Как поживаете, черт возьми?

– Хорошо, спасибо, – ответствовала мисс Коудл.

– Простите, это большое упущение с моей стороны – я должна представить вас друг другу. Леди Бикл, мисс Челленджер, позвольте мне представить вам мисс Дину Коудл, журналистку, пишущую для «Бристольских известий». Мисс Коудл, это Джорджина, леди Бикл, и мисс Беатрис Челленджер из бристольского отделения Женского социально-политического союза.

– О-о! – с живостью воскликнула леди Бикл. – Стало быть, вы и есть та журналистка-приятельница леди Хардкасл, о которой она мне говорила?

– Ну, я бы не сказала, что мы с ней при... – начала мисс Коудл.

Но леди Бикл продолжала гнуть свое. Возможно, она просто не хотела, чтобы и этот разговор принял неприятный оборот. – А не видела ли я вас раньше? – спросила она. – Вы были на рождественском балу, который устраивала Королевская больница? Уверена, что были. Ведь вы в своей газете так чудесно его описали.

– Разумеется, я там была, – подтвердила мисс Коудл. –

Мой жених учится на доктора, и я подумала, что смогу одним выстрелом убить двух зай... .

– Я так и знала, – опять перебила ее леди Бикл. – Очень приятно увидеть вас снова. Добро пожаловать в наш скромный магазин. Чем мы можем вам помочь?

– Собственно говоря, – сказала мисс Коудл, ошарашенная этим потоком благожелательных слов, – я подумала, что это я могу помочь вам. Или, по крайней мере, помочь одной из ваших подруг. Не найдется ли у вас места, где мы могли бы поговорить с глазу на глаз? – И она бросила на леди Хардкасл и меня взгляд, в котором не было и тени приязни.

– Если это дело носит щекотливый характер, наверху у нас есть кабинет, – сообщила леди Бикл.

– Щекотливый? Нет, я бы так не сказала. Просто не хочется, чтобы наш разговор подслушивали любопытные дамы, запасаящиеся здесь лентами и подстрекательской литературой. – И она опять многозначительно посмотрела на нас.

– Не обращайтесь на нас внимания, – бодро сказала леди Хардкасл. – Мы тут просто предлагаем свою собственную помощь. И можем подождать.

– Вы? Помощь? Какую такую помощь вы можете предложить? Вы, которые мните себя сыщицами-любительницами... . О, нет. Только не вы. Этого не может быть.

– Чего не может быть, дорогая? – с улыбкой спросила леди Бикл.

– Я пришла, чтобы поговорить об убийстве Кристиана

Брукфилда, – объявила мисс Коудл.

– И что же вы имеете сказать?

– Думаю, Элизабет Уоррел тут ни при чем.

– Так, всем лучше подняться в кабинет, – подытожила леди Бикл. – Битти, боюсь нам придется предоставить тебе одной справляться с нашествием орд.

Мисс Челленджер посмотрела на улицу, где в холодном зимнем воздухе мимо магазина шли редкие прохожие.

– Пожалуй, я справлюсь, – сказала она.

* * *

На втором этаже мы увидели две двери. Та, что была слева, вела в «кабинет», который занимал более половины тесного этажа. Окна, выходящие на Квинз-роуд, занимали все пространство от пола до потолка и от стены до стены, а в их центре красовалась арка, через которую виднелся фасад расположенной напротив картинной галереи. У одной из стен стоял большой дубовый письменный стол. Он был намного меньше завален бумагами и находился в куда большем порядке, нежели стол инспектора Сандерленда в участке, то же самое можно было сказать и о каталожных шкафах и книжных полках, которыми была уставлена противоположная стена. У третьей стены, расположенной напротив окна, стоял длинный обшарпанный диван.

Леди Бикл уселась на стоящий у стола вращающийся стул

и жестом показала нам на диван. Я села на его середину между двух огромных мягких подушек.

– Я вижу, что отношения у вас троих непростые, – сказала леди Бикл, и тон ее был почти грозен, – но боюсь, мне это все равно. Мисс Коудл, я попросила леди Хардкасл и мисс Армстронг провести расследование этого дела, ибо я уверена, что Лиззи Уоррел невиновна. Если вы тоже считаете ее невинной, то вы должны на время забыть про свои обиды, какими бы важными они вам ни казались, и рассказать нам то, что вам известно. Речь идет о жизни женщины, и у меня нет ни времени, ни терпения, для того чтобы выслушивать пустяки.

– Но послушайте, – начала мисс Коудл, но леди Хардкасл рукой сделала ей знак замолчать.

– Она права, мисс Коудл. Какие бы обиды вы ни таили на нас из-за дела о ведьмовских убийствах в Литтлтон-Коттереле²⁸, или какое там мелодраматическое название вы ему дали, вы могли бы на время забыть о них ради этой женщины, которую все, кроме полиции, считают невинной.

– Вы едва не уничтожили мою репутацию, черт вас дери, – огрызнулась мисс Коудл.

– Мы всего-навсего вскрыли истинное положение дел. Если вашу репутацию могла погубить такая обыкновенная и банальная вещь, как правда, то эта репутация вообще мало чего стоила, разве не так?

²⁸ Снова отсылка к событиям романа «Картина убийства».

– Ах ты высокомерная старая... – Мисс Коудл потянулась к леди Хардкасл, но я успела отбить ее руку и повернулась к ней лицом, не напрягая рук, но держа их наготове.

– Дамы! Прошу вас! – резко бросила леди Бикл. – Если вам хочется подраться, вы можете сделать это и позже. Я даже готова подержать ваши пальто. Но сейчас мы говорим о Лиззи Уоррел. Мисс Коудл, насколько я понимаю, у вас есть кое-какие сведения.

Мисс Коудл подняла с пола свою сумку и, расстегнув ее клапан, достала из нее большой блокнот в твердой черной обложке. Поставив сумку обратно на пол, она несколько секунд молчала, держа блокнот на коленях.

Затем, собравшись с мыслями, сказала:

– Кристиан Брукфилд был отличный журналист. Мы с ним были не только коллегами, но и друзьями. Он был человек порядочный и принципиальный и считал своей миссией разоблачение продажности и корыстолюбия, которые видел вокруг и которых так много в нашей общественной жизни. Его не интересовали сплетни и скандалы вокруг супружеских измен – во всяком случае, ради них самих. Он не писал об убийствах или сенсационных ограблениях. – Она снова посмотрела на леди Хардкасл и меня. – Он писал о коррупции в местных органах власти, о подкупе в местных деловых кругах. Он находил грязных и алчных мерзавцев, действующих в самом сердце нашего общества, и разоблачал их гнусные делишки, выставляя их подлость на всеобщее

обозрение. Так что, как вы можете догадаться, он отнюдь не пользовался расположением у тех, кто играет главные роли в политической и деловой жизни Бристоля.

Взяв с колен черный блокнот, она торжественно подняла его обеими руками, словно это была некая ценная реликвия.

– Брукфилд был не склонен к мелодраме, но он и не расслаблялся, вполне отдавая себе отчет в том, что своими разоблачениями он ставит под угрозу свою жизнь. Он иногда отпускал шутки по поводу того, что в один прекрасный день вынюхивание доведет его до беды. Не думаю, что он всерьез опасался, что кто-то пожелает закрыть ему рот, но он определенно не исключал такую возможность. Поэтому, когда он погиб при пожаре, якобы став случайной жертвой политически мотивированного поджога, я первым делом подумала, что его шутовское предсказание все-таки сбылось. Я никогда не верила в версию о том, что это дело рук суфражеток. Я с большим интересом слежу за вашей борьбой и знаю, что это не ваш стиль. Но явилась полиция, топая своими тяжелыми ботинками, бегло взглянула на то, что сразу бросалось в глаза, и объявила дело закрытым.

Открыв блокнот, она посмотрела на одну из его страниц.

– Когда стало известно, что он погиб, я была на работе. Его коллеги-журналисты любили его в той же мере, в какой его не любили в кабинетах городских властей, и те из нашей пишущей братии, кто постарше, сразу же двинулись в ближайший паб, чтобы помянуть своего павшего товарища.

Меня, естественно, не пригласили, так что я подошла к его письменному столу, чтобы посмотреть, над чем он работал. В общем-то там ничего не было, только какие-то отрывочные заметки и недописанная статья о темных делишках, возможно, творящихся в футбольном клубе «Бристоль сити», на последней странице которой в самом низу имелась надпись, сделанная его рукой: «ничего нет – я заблуждался». Но затем я заглянула в ящик стола и обнаружила вот это.

Она снова подняла черный блокнот.

– Именно в этом блокноте он и сводил воедино все добытые им сведения, прежде чем опубликовать конечную статью. Его противниками всегда были очень влиятельные и могущественные люди, так что, прежде чем сдать материал в набор, ему нужно было очень тщательно проверить все факты. В этом самом блокноте он и выстраивал свои аргументы, обобщал данные, полученные от источников, и окончательно уточнял все детали. Если Лиззи Уоррел не поджигала магазин, а я считаю, что так оно и есть, то вполне возможно, что кто-то убил Брукфилда умышленно. А если дело обстоит именно так, то весьма вероятно, что в этом блокноте содержится ключ к установлению личности его убийцы.

– Можно? – спросила леди Бикл, подавшись в сторону и протянув руку к блокноту. Мисс Коудл, хотя и без особого желания, выпустила его из рук.

Леди Бикл быстро пролистнула несколько страниц.

– О-о, – растерянно проговорила она. – Тут какие-то иеро-

глифы. Боюсь, я ничего не могу понять.

Она отдала блокнот мне.

– Это стенографическое письмо, – сказала я, взглянув на пару страниц. – Но тут написана какая-то тарабарщина, аб-ракадабра.

Я протянула блокнот леди Хардкасл, которая также не смогла расшифровать его.

– Вы знаете стенографию? – с удивлением спросила мисс Коудл и забрала у нее блокнот.

– Да она пришлась кстати в одной моей работе.

– А что это была за работа? Для чего стенография могла понадобиться камеристке?

– Да так, то для одного, то для другого, – сказала я. – Я не вправе распространяться на этот счет.

– Так оно и есть, – подтвердила леди Хардкасл. – Закон о государственной тайне и все такое. Вы же не хотите, чтобы бедную девушку повесили за измену.

– Ну... – начала мисс Коудл.

– Хватит грызни, – предупредила нас леди Бикл. – Не кипятитесь. Объясните, в чем тут суть – вы признали в этих каракулях стенографическое письмо, но не можете его прочитать. Почему?

– Это определенно стенография, но ее значки складываются в слова, которые в английском языке по большей части не имеют смысла. Можно? – Я протянула руку за блокнотом, и мисс Коудл с некоторой неохотой отдала мне его опять. –

Видите? – Я ткнула пальцем в первую попавшуюся строку. – Эти завитки, закорючки, точки и линии должны составлять обычные английские слова – это что-то вроде алфавита, просто такие значки пишутся быстрее. В стенографии используются также кое-какие аббревиатуры, а некоторые слова и выражения заменяются особыми символами, но, если ты владеешь этим навыком, читать запись надо так же, как строку из обычного текста. Но здесь написано: «Половины лсёкоб эпопея». Как я и сказала, это абракадабра.

– Вы хотите сказать, что помимо использования этих заумных загогулин, он еще применял и некий таинственный шифр? – спросила леди Бикл.

– Да, так оно и есть. Во всяком случае, отчасти. Полагаю, остальные записи сделаны с применением кода, понятного только ему самому, кода, в котором отдельные слова и выражения имели такие значения, которые знал только он. Такой код практически не поддается расшифровке, если не знать ключа. Так слово «эпопея» может означать все что угодно, хоть «пирог с картошкой», и нам никогда не разгадать, что именно оно должно обозначать. Но остальная часть записей сделана с помощью шифра, а шифры обычно поддаются разгадке.

– То есть код – это использование одних слов вместо других, а шифр – это когда вместо тех или иных букв используются другие буквы или значки?

– Вот именно, – подтвердила я.

– Надо же, какая я умная, – сказала леди Бикл. – Итак, вы можете читать стенографию, но как вам даются шифры?

– Боюсь, за разгадкой шифров мне надо будет обратиться к леди Хардкасл, – призналась я.

– Я могу попробовать, – откликнулась леди Хардкасл. – Можно использовать кое-какие приемы. Первое, что приходит в голову, это шифрование методом подстановки – например шифр Цезаря, в котором каждая буква сдвигается на фиксированное число позиций – или более сложное, но также основанное на подстановке. Что касается кода, то он должен был быть и достаточно простым, чтобы мистер Брукфилд мог писать им сразу, не раздумывая, иначе овчинка не стоила бы выделки.

– Значит, она камеристка, которая владеет стенографией и подпадает под действие Закона о государственной тайне. А вы вдовья сыщица-дилетантка, которая умеет расшифровывать засекреченные послания, – подытожила мисс Коудл. – Да кто вы на самом деле?

– Боюсь, и эта печальная история подпадает под действие Закона о государственной тайне, – ответствовала леди Хардкасл.

– Но вы и в самом деле считаете, что сможете разгадать эту головоломку? – спросила леди Бикл.

– Я всего лишь могу попытаться. Если вы не возражаете, мисс Коудл.

– На безрыбье и рак рыба, – изрекла мисс Коудл.

– В таком случае вы не станете возражать, если я позаимствую этот блокнот?

Мисс Коудл нагнулась и снова запустила руку в свою сумку.

– Я предпочитаю хранить блокнот Брукфилда у себя – так надежнее, – сказала она и протянула леди Хардкасл несколько листов писчей бумаги. – Первые страницы я переписала, позже перепишу и остальные.

– Отлично, – резюмировала леди Хардкасл и посмотрела на свои наручные часы. – Мне ужасно жаль, но на одиннадцать у нас назначена другая встреча. Вы нас простите?

– Ну, что вы, – сказала леди Бикл. – Мы все очень-очень благодарны за то, что вы вообще тратите на нас свое время. – Она посмотрела на листки бумаги в руке леди Хардкасл. – Хотите папку? Или конверт?

– Спасибо, не откажусь. Либо одно, либо другое. Как только у меня появится результат, я свяжусь с вами, мисс Коудл. У вас есть...

Мисс Коудл достала визитную карточку, дала ее моей хозяйке, а та протянула ей свою.

– Удачи, – завершила нашу беседу леди Бикл. – И еще раз спасибо.

Мы попросили нас не провожать.

От штаб-квартиры ЖСПС до маленькой кофейни, в которой нам предстояла встреча с инспектором Сандерлендом, было рукой подать. Местные упорно называли свой район «деревней Клифтон».

– Я бы не назвала здешние места деревней, – заметила я, когда мы двинулись по тротуару мимо запруженной транспортом мостовой.

– Я тоже, – согласилась со мной леди Хардкасл. – Но не только местные жители называют свой район деревней – точно так же именуют свою часть Лондона и те, кто живет в Кенсингтоне.

– Тьфу, – выругалась я. – То-то бы они удивились, если бы им пришлось жить в настоящей деревне. Ни тебе газа, не говоря уже об электричестве, и пабы, в которых не сыщешь пирога с мясом, потому что у подводы отлетело колесо.

– Ты жалеешь, что мы переехали в Литтлтон-Коттерел?

– Вообще-то нет, мне там нравится. Само собой, я бы все отдала за электрическое освещение и газовую плиту, хотя, раз уж стряпня почти целиком лежит на плечах мисс Джонс, то с нынешней нашей плитой можно и смириться.

– Электрическое освещение есть в усадьбе «Грейндж», – сказала моя хозяйка. – Интересно, может ли их генератор снабдить электрической энергией и наш дом? Я уверена, что

читала статью о том, что электричество можно передавать на большие расстояния. Надо будет поспрашивать. Наверняка кто-то из моих знакомых знает ответ на этот вопрос.

– Наверняка, – согласилась я. – Это она?

– О чем ты, дорогая?

– Это и есть кофейня, в которой мы должны встретиться с инспектором Сандерлендом? – спросила я, показывая на вывеску одной из кофеен Крейна, идти до которой оставалось всего несколько ярдов.

– Если прежде это была и не она, то теперь точно она.

Я устремила на леди Хардкасл вопросительный взгляд.

– Через дорогу, – сказала она и движением головы показала на противоположную сторону улицы.

Я повернула голову, посмотрела на тротуар напротив. По нему шел наш любимый полицейский, одетый в пальто и с котелком на голове. Ступив на мостовую, он приветственно поднял портфель, который нес в руке. Поравнявшись с нами, он свободной рукой вежливо прикоснулся к узким полям своего котелка.

– Доброе утро, дамы. Вы как раз вовремя. Зайдем? – Открыв дверь кофейни, он вошел внутрь. Мы последовали за ним.

Когда мы устроились и нам принесли кофе и кексы, инспектор сунул руку в портфель, извлек папку из плотной желтой бумаги и по столешнице пододвинул ее к нам.

– Боюсь, я не могу отдать вам ее насовсем, – сказал он, –

но тут я отразил детали, касающиеся существа дела. – И он подал нам исписанный лист бумаги.

– Ну и ну! – удивилась леди Хардкасл. – Огромное вам спасибо, инспектор. – И принялась читать содержимое папки. – Отлично, отлично. Тут есть справка относительно биографии и личности мистера Брукфилда. До сих пор он для нас оставался только абстрактным носителем высоких моральных принципов и хозяином блокнота.

– Боюсь, я не совсем понимаю, о чем идет речь, – заметил инспектор.

Леди Хардкасл уже целиком ушла в чтение лежащих в папке бумаг, и я сама рассказала ему о нашей встрече с Динной Коудл.

– Понятно, – сказал он. – Мы с ним встречались всего несколько раз, но я, разумеется, читал его статьи. Мы внимательно следили за тем, что он писал в своей газете, и пару лет назад он выступал свидетелем на суде по делу о мошенничестве. Он был моложе, чем я думал после прочтения его статей – всего лет двадцать пять – двадцать шесть...

– Двадцать семь, – перебила инспектора леди Хардкасл.

– Пусть будет двадцать семь, – с улыбкой согласился он. – Он был довольно располагающий малый, но именно такой серьезный... и ревностный, как и можно ожидать от автора подобных статей. Мне он, в общем-то, нравился, но через некоторое время я начал от него немного уставать. По-моему, я никогда не слышал от него ничего такого, что можно

было бы счесть забавным. Он был вежлив, порядочен и по-своему мил, но ему было отнюдь не свойственно шутить и острить по поводу абсурдных несуразиц нашей жизни.

– Возможно, в обществе легавых он чувствовал себя неловко, – предположила я. – И просто старался быть осторожным в выражениях, когда общался с кем-то из ваших.

– Очень может быть. Некоторым людям все же свойственно понятие о приличии и чувство уважения, когда они общаются со служителями закона.

Услыхав это, леди Хардкасл показала ему язык, но не перестала читать. Было очевидно, что она отнюдь не спешит делиться тем, что узнает из содержимого папки, и я решила расспросить самого инспектора.

– У него была семья? – спросила я.

– Оба его родителя скончались, – ответил он. – У него осталась тетушка, но они не были близки, и она отказалась явиться в церковь для прощания с ним. Его старший брат служит в торговом флоте, а младшая сестра работает медицинской сестрой в Объединенной королевской больнице. В Бате. Его брат сейчас в море, но сестра приезжала в пятницу на церемонию прощания. Она была очень расстроена.

– Могу себе представить. Значит, там были и вы?

– Да, был. Как я и говорил, общались мы мало, но у меня было такое ощущение, словно я знал его хорошо, хотя это и было не так. Вы понимаете – это благодаря его статьям. Несколько наших, полицейских, имевших с ним дело, тоже

пришли в церковь, чтобы почтить его память.

– А там было много народу?

– Да, церковь была полна. Оказалось, что очень многие любили его.

– Надо полагать, это стало хоть каким-то утешением для его бедной сестры, – сказала я. – Так что же именно случилось вечером во вторник? В заметке в «Бристольских известиях» почти не было деталей.

– Ну, ребят из Бристольской полицейской пожарной команды незадолго до полуночи вызвали на пожар в магазине на Томас-стрит. К моменту их прибытия на место все здание уже было охвачено огнем, но тамошние жители успели сообразить, что надо делать, и принялись поливать соседние дома водой, чтобы пламя не перекинулось и на них. Помощь оказали и посетители соседнего паба, он называется «Корт Сэмпсон инн». Пожарные сделали все, что могли, но магазин был уничтожен, и, как оказалось, находившийся в здании человек погиб.

– Ужас, – сказала я. – А в то время хоть кто-то уже знал, что он там, внутри? Кто-то что-то сказал?

– Нет, ни слова. Как следует здание обыскали только на следующий день – было сочтено, что в него можно будет войти, не опасаясь, только к середине утра. Тогда-то и обнаружили его тело.

– Но сам пожар видели многие, да?

– Да, очевидцев были десятки. Паб «Корт Сэмпсон инн»

очень популярен, даже если речь идет о вечере вторника. Наши ребята прибыли на место довольно быстро, после того туда вызвали пожарную команду, тогда они и опросили всех, кто был там. Надо сказать, что никто из посетителей паба ничего не замечал, пока огонь не разгорелся вовсю. Никто не видел никого и ничего, пока один из них...

– Билл Придди, – вставила леди Хардкасл, не поднимая глаз.

– Пока Билл Придди не отправился домой, когда до полуночи оставалось примерно пятнадцать минут, и не увидел пламя. Он сразу же бросился обратно в паб и поднял тревогу.

– Выходит, полиция опросила всех тех, кто помогал пожарным либо оставался в пабе, – сказала я. – А кому-нибудь вообще пришло в голову выяснить, все ли на месте? Может быть, кто-то сумел незаметно ускользнуть? Ведь не каждому хочется помогать тушить пожар или посреди ночи давать показания полицейским.

– Жаль, что той ночью с нами не было вас, – посетовал инспектор. – Я задавал этот вопрос, но не добился ничего, кроме многословных, но уклончивых и невнятных речей. Короткий ответ – это нет, тогда об этом не подумали. Так что весьма и весьма вероятно, что немало посетителей паба растворились в ночи, чтобы избежать опасности, увильнуть от тяжелой работы либо уклониться от полицейских допросов.

– Какая досада.

– Кое-кто из наших патрульных мог бы начертать эти сло-

ва на кокардах своих шлемов: «Полиция Бристоля – какая досада». Однако теперь уже ничего не поделаешь – нам приходится работать с теми сведениями, которые у нас есть.

Я улыбнулась.

– А как именно был подожжен магазин?

– Кто-то разбил его витрину и бросил внутрь связку тряпок, пропитанных керосином. Одна-единственная спичка – и все быстро занялось. Здания там старые, и в них полно сухого дерева.

– Но почему никто ничего не услышал? И не увидел. Ведь на то, чтобы совершить этот поджог, ушла минута или две.

– Все либо спали, либо сидели в пабе, – ответил он. – Прохожих в этот ночной час не бывает. Во всяком случае, на Томас-стрит.

– И рядом были раскиданы листовки суфражеток, – сказала я. – Об этом говорилось в газете.

– Именно так, – подтвердил инспектор. – Я заметил одну странность, на которую больше никто не обратил внимания. На найденных листовках значилось, что их напечатал «Женнский социально-политический союз», там имелась ошибка в слове «Женский». Глупая типографская опечатка, но странно, что никто ее не заметил.

– Может быть, и заметили, но было уже поздно.

– Может, и так. Была еще эта самая «подписанная записка», текст которой был составлен из заглавных печатных букв. Она была приколота к двери одного из соседних мага-

ЗИНОВ.

– А когда арестовали Лиззи Уоррел?

– На следующий день. У нас не было никаких данных на женщину по имени Л. Уоррел, и полиции пришлось рано утром в среду отправиться в штаб-квартиру ЖСПС на Квинз-роуд, чтобы выяснить, кто она. Там ее и арестовали.

Леди Хардкасл вернула папку инспектору.

– Полиция поработала профессионально и кропотливо, – резюмировала она. – Свидетели были найдены и опрошены, их показания были обобщены, улики собраны. Единственное обвинение, которое можно сделать в адрес ваших коллег, это то, что они не дали себе труда проверить достоверность так называемого признания.

– Собственно, это как раз тот вопрос, который я и собиралась задать, – подхватила я эту мысль. – Они полагают, что Лиззи Уоррел так жаждала объявить, что поджог устроили суфражетки, что оставила подписанное признание. Но тогда почему она так рьяно отрицает свою вину?

– Потому что, когда она чиркнула спичкой, это был просто поджог, а к моменту ее ареста это уже было убийство? – предположила леди Хардкасл.

– Я тоже об этом подумал, – ответил инспектор, – и потому проверил хронологию событий. Тело было обнаружено уже после ареста Лиззи Уоррел. В то время это был просто поджог – причем для всех.

– И никому так и не пришло в голову спросить себя, по-

чему женщина – член организации, которая пытается зарабатывать очки на арестах своих членов и вынесении им обвинительных приговоров, сначала нарочито обвиняет сама себя, а девять часов спустя говорит, что она невиновна, – заметила я.

– Я разделяю ваши сомнения, – сказал инспектор. – Правда разделяю.

* * *

Допив кофе и доев кексы, мы попрощались с инспектором, который отправился обратно в участок, и вернулись к нашему «роверу». К великому облегчению леди Хардкасл, он не скатился до Парк-стрит, и я начала крутить заводную ручку, а она устроилась на сиденье водителя.

– Теперь моя очередь вести, – сказала она.

Я без особой охоты согласилась и всю дорогу до Литлтон-Коттерела наслаждалась ничем не осложненной ездой. Прибыв домой, я осведомилась у Эдны, не назревают ли у нас какие-то кризисные ситуации, она ответила, что нет, после чего мисс Джонс сообщила мне, что готовит ужин. Обе они уверили меня, что все под контролем, а мисс Джонс, как выяснилось, даже приготовила на обед суп.

– Я не знала, пообедаете вы в городе или нет, но подумала, что суп мог бы и постоять, даже если сегодня вы его не съедите, – сказала наша кухарка.

– Вы просто чудо, – похвалила я ее. – Спасибо. А вы с Эдной поели?

– Да, мисс, спасибо. Как приходит полдень, так Эдна сразу начинает цыганить у меня съестное – вынь ей да положь.

– Спасибо, что вы не забываете и ее, – с улыбкой сказала я. – Как поживает ваша настоящая мать?

– Спасибо, хорошо. Вот увидите, несмотря на свои проблемы, она еще всех нас переживет.

– Наверняка. Она необыкновенная женщина – передайте ей мой привет, хорошо?

– И мой, – подхватила леди Хардкасл, незаметно вошедшая в кухню.

– Спасибо вам обеим, – ответила мисс Джонс.

– Извините, что я вторглась в ваши владения, – сказала леди Хардкасл, – но я хотела узнать, не найдется ли у вас что-нибудь поесть.

– Я как раз говорила мисс Армстронг, что приготовила маленько супа.

– В самом деле? Как чудесно. Я буду ждать в столовой и пускать слюнки.

– Вы нарисовали такую привлекательную картину, – заметила я. – Дайте нам пару минут, и я принесу суп в столовую. Она уже подошла к двери.

– Да, будь добра, – крикнула она из холла. – И не забудь полотенце для слюнок.

За обедом мы с аппетитом уплетали суп, время от времени отвлекаясь от утоления голода, чтобы пройтись по деталям наших утренних встреч. Удостоверившись, что наши воспоминания совпадают, моя хозяйка отправила меня в гостиную, дабы отобразить полученные сведения на «доске расследований», а сама удалилась в свой кабинет, чтобы поразмышлять над загадкой блокнота Брукфилда.

Я начала записывать на доске хронологию событий – леди Хардкасл с большим успехом использовала этот прием, когда вскоре после нашего приезда в деревню мы с ней расследовали убийство Фрэнка Пикеринга²⁹.

Нам было известно, что завсегда́тай паба на Томас-стрит Билл Придди пошел домой примерно без четверти полночь. Огонь к тому времени уже разгорелся вовсю, стало быть, поджог был устроен где-то в предшествующие полчаса. И я отметила на доске, что пожар начался в четверть двенадцатого – если поступят какие-то иные сведения, можно будет изменить это время, подумала я. После того, как к ним поступил вызов, пожарные и полиция прибыли быстро, и я записала, что это произошло не позднее четверти первого. А те свидетели, которых удалось найти, были опрошены, навер-

²⁹ События изложены в первой книге Кинси из этой серии «Тихая сельская жизнь».

ное, к часу.

Затем ничего не происходило, пока детектив, расследующий дело, не явился в находящийся в магазине штаб ЖСПС, когда тот открылся в девять часов утра. Там он немедленно арестовал Лиззи Уоррел. Выгоревшее здание было обследовано «в середине утра», значит, это произошло приблизительно в одиннадцать часов.

Пока что нам было известно только это.

Сведения о возрасте и семье покойного Кристиана Брукфилда я записала рядом с его схематичным изображением, приколотым к доске, после чего уселась в кресло, обдумывая дело. Похвастаться нам пока что было нечем. Я уже собиралась встать и пойти к леди Хардкасл, чтобы справиться, продвинулась ли она в разгадке шифра Брукфилда, но тут в гостиную ворвалась она сама.

– Эврика! – воскликнула она.

– В теплый день от вас порой тоже пахнет³⁰, – заметила я.

– Очень смешно. Но знаешь, кажется, я поняла, какими приемами пользовался Брукфилд. Право же, все просто, прямо-таки по-детски. Этого и следовало ожидать, не так ли? Суть заключалась в том, чтобы чужаку было трудно прочесть записи. Однако при этом метод шифрования должен был быть достаточно незамысловат, чтобы самому Брукфилду не приходилось тратить всю ночь на то, чтобы применять

³⁰ Игра слов: «eureka» (англ.) произносится очень похоже на «you reek», то есть «ты воняешь».

его на деле и чтобы он мог без особых усилий прочесть то, что написал. Я подступалась к расшифровке и так, и этак, перепробовала все возможные хитрые методы, а разгадка, можно сказать, все это время была у меня под самым носом. Она была очевидна уже тогда, когда мы разговаривали с Джорджи и этой самой Коудл, но в то время я была слишком поглощена мыслями о сложностях, которые навоображала себе сама, чтобы увидеть, что все проще простого.

Она стояла передо мной и молча ухмылялась.

– Ну? – спросила я наконец.

– Что? Ах, да. Разгадка. Давай возьмем тот отрывок, который ты зачитала в штабе ЖСПС.

Подойдя к доске, она написала: «Половины лсёкоб эпопея».

– Итак, когда я пыталась объяснить Джорджи, что к чему... она чудная девушка, ты не находишь? Намного моложе, чем можно было бы ожидать, когда речь идет о жене известного хирурга, но такая умница.

Я улыбнулась и кивнула.

– Да, она очаровательная молодая женщина.

– Ах, да, извини. Я говорила о коде, да? – Она стояла у аспидной доски и с видом школьной учительницы показывала на то, что только что написала. – Как видишь, тут есть два обычных слова и между ними бессмысленный набор букв. Набор букв – это шифр. Попробуй сдвинуть буквы на одну позицию ближе к началу алфавита.

– Л – С – Ё – К – О – Б, – медленно проговорила я. – К – Р – Е – Й – Н – А.

Под бессмысленным набором букв она написала: «Крейн».

– Да, если сочетать это со стенографией, получается довольно умно, – сказала я. – И отвечает всем вашим требованиям – и писать можно быстро, и читать легко. А как насчет двух обычных слов? Что означают они?

– Это немного сложнее. Или же еще проще, чем использование шифра Цезаря – в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Это что-то вроде игры. Я исходила из предположения, что, будучи журналистом, Брукфилд мог легко оперировать синонимами и играть словами вообще. Итак, возьмем слово «Половины». Синонимом какого слова является «половина»? Что приходит тебе на ум?

– Жена? – предположила я.

– Вот именно. – Она написала слово «Жены» под словом «Половины». – А как насчет слова «эпопея»?

– Эпопея. Эпопея... – проговорила я. – Эпос? Одиссея? Похождения? Роман?

– Давай возьмем «роман». – Она написала слово на доске. Теперь под закодированной строчкой было написано: «Жены Крейна роман».

– У жены Крейна роман? – сказала я.

– Точно. В этой части заметок упомянуто множество доказательств того, что у миссис Крейн есть любовник, но, к

сожалению, Брукфилд не успел разобраться в том, с кем она крутит роман, до того, как сделал запись о наличии у нее связи на стороне. Нам нужна расшифровка всех записей в его блокноте.

– А там говорится, кто такая эта миссис Крейн? – спросила я. – Не могла ли она захотеть заткнуть ему рот? А может, мистер Крейн боялся скандальной огласки и пятна на репутации?

– Да, нет и да. Именно в этом порядке. Из записей Брукфилда следует, что мистер Крейн, чья жена хорошо проводит время с чужим мужчиной, есть ни кто иной, как Освальд Крейн, крупный импортер кофе и владелец нескольких бристольских кофеен. Одну из которых мы, между прочим, посетили сегодня утром. В своих заметках Брукфилд написал, что, если разразится скандал, миссис Крейн пострадает от него не слишком, а вот ее мужу огласка может очень и очень повредить. Судя по всему, он на всех углах трубит о том, сколь важна супружеская верность, и заявил во всеулышание, что, если жены заводят шашни на стороне, в этом виноваты их мужья.

– Тогда нам нужно встретиться с этим самым Освальдом Крейном и потолковать, – сказала я.

– Непременно. Эту встречу придется организовать нашей мисс Коудл. Я протелефонирую ей сей же час.

Глава 5

На устройство нашей встречи с Освальдом Крейном Дине Коудл понадобилось всего два дня, так что она должна была состояться утром в четверг. В качестве предлога для беседы мисс Коудл сказала ему, что хочет написать о нем статью, а чтобы на встрече могли присутствовать и мы с леди Хардкасл, попросила его разрешить ей привести с собой свою практикантку. Мистер Крейн был против участия «практикантки», пока ему не было объяснено, что это титулованная дама «средних лет», которая хочет писать заметки для раздела светской хроники. Стоило ему поверить, что его имя может быть упомянуто в разделе новостей светской жизни, как он преисполнился энтузиазма и желания сделать буквально все, лишь бы заполучить нас к себе.

– К счастью, – сказала леди Хардкасл, когда мы шли по Хай-стрит, направляясь к месту встречи на Корн-стрит, – делать ставку на снобизм тех, кто подвизается на поприще коммерции, можно почти всегда. Коммерсанты готовы лезть из кожи вон, лишь бы их сочли частью светского общества.

– Видала я это самое высшее общество, наблюдала его вблизи, – заметила я. – И я вам вот что скажу – лучше уж якшаться с головорезами и уличными девками. – Я, разумеется, не имею в виду присутствующих.

– Разумеется. Не могу сказать, что я с тобой не согласна,

но нынче нам придется сыграть именно в эту игру. Я буду изображать из себя самую что ни на есть изысканную и пу-стоголовую даму из бомонда, несущую этому самому Крей-ну признание света, которого он, по его мнению, был досто-ин всегда.

– Изысканную? – повторила я.

– Помолчи. Мы уже выбрали, каким именем мы назовем тебя, Фло?

Мы приняли во внимание, что существует некоторый риск того, что Крейн слышал о леди Хардкасл. Нет, она во-все не была так тщеславна, чтобы думать, будто ее имя знают все, но за последние два года оно было несколько раз упомя-нуто в газетах, так что нельзя было исключать, что, услышав его, Крейн насторожится. А посему мы решили, что нынче она будет зваться леди Саммерфорд. Что до меня, подумала я, то вряд ли я буду представлена по имени, а потому можно не заморачиваться, придумывая себе псевдоним.

– Не-а, – ответила я. – Я, стало быть, простая служанка, вот с мальства и живу без имени, потому как нам оно было не по карману. И коплю пенс к пенсу, чтобы им обзавестись.

– Ты будешь Нелли Мейби, – сказала она.

– Это можно развить, – предложила я. – Вы взяли меня к себе с самого дна жизни – из трущоб Кардиффа, где я про-мышляла мелкими преступлениями. Да и, быть может, в те поры я не так уж строго блюла мою девичью честь.

Она только хмыкнула. Мы много раз ввязывались в куда

более опасные авантюры, и она знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать – я не заиграюсь и не поставлю нашу комбинацию под удар. Однако на сей раз я подозревала, что такой записной сноб, как Крейн, сделает вид, что он просто не заметил меня, а потому можно позволить себе немного позабавиться, придумав для моего персонажа занимательный жизненный путь. Ведь эту захватывающую историю буду знать только я сама.

Я ожидала, что наша встреча будет проходить в зале заседаний совета директоров с роскошными дубовыми панелями на стенах, и зал этот будет находиться в величественном здании в самом сердце деловой части города. Я представляла себе, что висящие на тамошних стенах портреты прежних председателей совета директоров будут сурово и неодобрительно взирать на нас, пока мы будем сидеть за столом из сверкающего красного дерева. И я была весьма разочарована, узнав, что нам предстоит встретиться с мистером Крейном в одной из его кофеен. Надо признать, что это была самая первая из них, жемчужина его империи кофеен, но все же это была всего лишь кофейня.

Когда мы зашли внутрь, Дина Коудл уже сидела за столом в компании низенького господина, похожего на шар. Она поздоровалась с леди Хардкасл, а шарообразный господин вскочил на ноги. Но выше не стал.

– Полагаю, вы леди Саммерфорд, – сказал он. Манера держаться у него была такая же напыщенная, как и нелепые уси-

ки, украшающие его верхнюю губу.

– Леди Саммерфорд, – сказала мисс Коудл, – позвольте мне представить вам мистера Освальда Крейна, импортера кофе и хозяина этой великолепной кофейни. Мистер Крейн, это леди Саммерфорд, ставшая с недавних пор внештатным репортером светской хроники «Бристольских известий».

– Здравствуйте, приятно познакомиться, – хором сказали они оба.

Мистер Крейн демонстративно выдвинул стул для «леди Саммерфорд» и столь же демонстративно проигнорировал меня. Я села за соседний стол, достаточно близко для того, чтобы все слышать, но достаточно далеко для того, чтобы обо мне можно было забыть. При мне имелась книга, и я сделала вид, будто читаю ее, одновременно подслушивая их разговор и мысленно разукрашивая жизнеописание Нелли Мейби.

Хорошо, что мне было, чем занять ум – рассуждения мистера Крейна были отчаянно скучны и не могли вызвать у меня интерес. Он был одновременно занудой и невежей, хотя и обладал необычайно обширными познаниями в вопросах выращивания, уборки, транспортировки, обжарки, сбыта и приготовления кофе. Хорошо разобрался он также и в его рекламе и упаковке и недавно приобрел типографию как раз для этих целей.

Все это стало мне известно потому, что он был готов ужасающе пространно делиться этими познаниями и, похоже,

ему было совершенно невдомек, насколько скучно это звучит. Все было бы не так уж плохо – ведь настоящие энтузиасты, говоря о предметах своих увлечений, часто бывают обязательными и занятыми – если бы не тупая самодовольная безапелляционность, из-за которой можно было только порадоваться тому, что никто из нас не вооружен.

Во всяком случае, я полагала, что леди Хардкасл не вооружена. Сегодня на ней была шляпа, которую я подарила ей на Рождество и в тулье которой имелся хитро спрятанный карман для «дерринджера»³¹ – как-то раз она пошутила насчет шляпы-кобуры, вот я и подумала, что будет забавно и, возможно, полезно, если у нее появится такой головной убор. Однако надо сказать, что она имела опасную склонность класть в сумочку свой карманный браунинг, «поскольку никогда не знаешь, когда тебе может пригодиться пистолет», так что нельзя было быть до конца уверенной в том, что она действительно не вооружена. Думаю, будь у нее пистолет, высказывания мистера Крейна о туземцах, которые выращивали его кофе в Африке и обеих Америках, его мнения о бедных и малоимущих в нашей стране и особенно его суждения относительно женщин непременно привели бы его в могилу. Признаюсь, что я и сама пару раз пощупала мой собственный левый рукав на тот случай, если я сунула туда метательный нож, а потом забыла о нем.

Леди Хардкасл успешно делала вид, будто внимает каж-

³¹ Тип карманного пистолета.

дому его слову и, следуя примеру мисс Коудл, подробно записывала все, что он вещал.

– ... и это еще одно основание для того, чтобы не давать женщинам избирательных прав, – изрек он, прервав мои фантазии о том, как Нелли Мейби шарила по карманам. – Слишком развитая интуиция, понимаете? Все это шестое чувство, все эти инстинкты – все это отлично, если ты ведешь хозяйство или воспитываешь детей. Для таких вещей это превосходные качества, но политика, как и коммерция, требует другого – для них нужен здравый смысл. Чтобы заниматься политикой, нужно отбросить чувства и фантазии и заменить их трезвым рассудком. Боюсь, женщины просто не обладают способностью к мышлению, основанному на логике и лишенному сантиментов.

К тому времени, когда Крейн обратил взгляд на мисс Коудл, она, прежде смотревшая на него волком, заставила себя сменить выражение лица на жеманную улыбку.

– Вы совершенно правы, – сказала она. – Женщинам это просто не дано. Думаю, если бы нам дали право голоса, для страны это стало бы катастрофой. Ведь что такие, как я, знают о международных делах?

Между тем леди Хардкасл, похоже, надоело гладить его по шерстке, и вместо этого она перешла к настоящей причине беседы.

– А вы слышали о пожаре, который произошел на прошлой неделе на Томас-стрит? – спросила она.

– Да, слышал. Это ужасно. Кажется, в нем погиб один из ваших журналистов?

– Да, – ответила она. – Кристиан Брукфилд.

– Ужас. Ужас. Магазин подожгла суфражетка, не так ли? Это доказывает мою правоту, вы не находите? В мозгу женщины роится слишком много сильных чувств. И никаких мыслей о последствиях ее действий, понятно? Человек погиб только потому, что она хотела привлечь внимание к своему «делу».

– А вы знали Кристиана Брукфилда? – спросила леди Хардкасл, проигнорировав его последние слова.

– Нет, не могу сказать, что он был мне знаком.

– Странно. Он вас знал. Или, во всяком случае, знал о ваших делах.

– Обо мне знают многие, моя дорогая. Ведь у меня есть кофейни по всему городу. – И он с чувством взмахнул руками, дабы показать, сколь обширна и великолепна его империя.

– Возможно, это все и объясняет. Но он также знал и о делах вашей жены.

– О моей очаровательной жене знают многие, – уже с некоторым неудовольствием сказал он.

Судя по выражению лица мисс Коудл, ей не очень-то нравилось то, какой оборот принял разговор. И она попыталась сменить тему.

– Скажите, каково ваше мнение о растущей роли порта

Эйвонмута? – поспешно спросила она. – Помогает ли вашей коммерции появившаяся теперь возможность принимать более крупные суда, или же расстояние от Эйвонмута до Бристоля все равно доставляет вам слишком много неудобств?

– Что ж, я скажу вам вот что... – начал Крейн, но леди Хардкасл продолжила гнуть свое.

– Видите ли, – сказала она, глядя в свой блокнот, словно там имелось подтверждение ее слов, – мистер Брукфилд работал над материалом, который должен был довести до сведения публики, что ваша очаровательная жена состоит... полагаю, это называется «в близких отношениях» с мужчиной, и этот мужчина, попросту говоря, отнюдь не вы.

Последовало молчание, и я начала опасаться, что если кто и вытащит пистолет, то это будет мистер Крейн. Его лицо побагровело, приобретя весьма занятный оттенок – это стало первой по-настоящему интересной вещью, которую он сделал с момента начала нашей встречи, – а костяшки его пальцев побелели, когда он вцепился в край стола.

– Беседа закончена, – сказал он, стиснув зубы. – Мисс Коудл, выведите эту женщину из моей кофейни. Я пожалуйюсь вашему издателю.

Мисс Коудл встала, но леди Хардкасл осталась сидеть.

– Значит, вы его не убивали? Чтобы помешать ему опубликовать этот материал? А может быть, вы наняли кого-то еще, чтобы он сделал это за вас?

– Вон! – взревел он, наконец выйдя из себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.